Вставная челюсть Щелкунчика

Автор:
Дарья Донцова

Вставная челюсть Щелкунчика

Дарья Аркадьевна Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #38

Виола Тараканова – председатель жюри конкурса «Девочка года»! Ее издатель, который приветствует любой пиар автора Арины Виоловой, радостно потирал руки. Во время финала между тремя претендентками на Гран-при назревал конфликт. Вернее, его разжигали матери Марины и Сони и бабушка Алисы, Галина Сергеевна Петрова. Обе мамаши набросились на нее с обвинениями: Петрова поила внучку запрещенным средством для похудания. Галина Сергеевна, решив доказать, что в ее витаминном отваре нет ничего запрещенного, выпила его и… умерла. Мать Марины призналась: она подлила в отвар слабительное, чтобы избавиться от конкурентки дочери – Алисы. Но от слабительного не умирают! Разобраться в этой запутанной истории Виоле помогает новый приятель Степан Дмитриев. Однако Виоле все время кажется: она уже когда-то была с ним знакома…

Дарья Донцова

Вставная челюсть Щелкунчика

© Донцова Д.А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Хотите узнать, как выглядит изнутри гигантский муравейник, в котором живут сумасшедшие насекомые? Загляните в самом конце года в любой торговый центр.

Вот уже несколько лет подряд я даю себе обещание, что в ноябре займусь приобретением сувениров для всех друзей, тщательно составляю список подарков, кладу его в кошелек и… вспоминаю о нем тридцатого декабря, когда орды таких же непредусмотрительных людей, как я, Виола Тараканова, штурмом берут прилавки.

Я остановилась посреди галереи, ох, зря сравнила магазин с муравейником, думаю, трудолюбивые мурашки не носятся по родному дому, толкая перед собой тележки, доверху набитые всякой ерундой.

– Наталья! Давай быстрее в отдел электротоваров! Там скидки на аэробруки, – заорал стоявший рядом со мной мужчина.

– Петя, а че это за фигня такая? – спросила его спутница. – Аэробруки эти зачем? Что с ними делать надо?

– Не знаю. Отстань с глупыми вопросами, – зарычал муж, – без тебя мозг вскипел. Слышишь, что говорят? Семьдесят пять процентов минус. Почти даром отдают. Купим один аэромрук или аэропрук твоей матери, второй моей – и гора с плеч.

– Аэробрук, – поправила супруга. – И что они с ними делать будут, Петя?

– Не знаю, – фыркнул Петр, – не моя забота. Я внимание проявил, подарил, а они пусть разбираются, куда лабуду девать.

– Нельзя им одинаковое дарить, – возразила жена, – твоя мать обидчивая, как подросток. Узнает, что ей со сватьей одно и то же под елку сунули и…

– Захлопнись, Наташка, – приказал супруг, – твоя мать геенна огнедышащая, она с моей мамулей из-за вредности характера не общается, не узнает никогда, что им всучили.

– Моя мама святая! – возмутилась Наталья. – А твоя – змея в мармеладе. Всем улыбается, а потом…

Петр пнул тележку ногой и убежал куда-то в глубь стеллажей, забитых товаром. С воплем «Правда глаза колет» жена бросилась за ним.

– Внимание! В отделе спорттоваров девяностовосьмипроцентная скидка на ласты, – загремело с потолка, – тотальная распродажа. Купившему три пары четвертая в подарок. Модная расцветка «розовый желток», нанотехнологическая застежка, они безразмерные, прекрасный подарок для всей семьи. Папа, мама, бабушка и дедушка, ласты надевайте, весело гуляйте. Только один час! Только у нас. Очень выгодно. Вы экономите девяносто восемь процентов. Джингл беллс, джингл беллс! Новый год приходит к нам, ласты он приносит вам!

Я замерла с открытым ртом, ощутила толчок в спину, обернулась и увидела потную красную женщину, которая, бормоча себе под нос:

– Ласты, ласты, ласты, – неслась вперед.

Я рванулась за ней, почти добежала до спортивного отдела и притормозила. Вилка! Очнись. Зачем тебе в разгар зимы приспособление для плавания, да еще цвета «розовый желток»? А нанотехнологическая застежка скорее всего обычное, маленькое крепление. Я впала в гипнотическое состояние, заразилась от толпы желанием купить абы что по дешевке.

– Джингл беллс, джингл беллс, – понеслось с потолка, – хеппи Новый год, всем подарки он несет. В отделе игрушек телескопический ластик. Скидка семьдесят девять процентов. Оригинальный дизайн, вкус клюквы в сахаре. Лучший новогодний подарок детям.

Я, скинув с себя оцепенение, вызванное рекламой ласт, снова впала в каталепсию. Ластик со вкусом клюквы в сахаре? Вроде им стирают следы карандаша. Или кто-то пьет чай вприкуску с «резинкой»? Все перед приходом

Деда Мороза сошли с ума?

– Мама, хочу праздничные уши, – произнес тоненький детский голосок.

Я повернула голову и увидела семейную пару с тремя детьми: мальчиком лет тринадцати, очень высокой девочкой, примерно на год постарше, и дошкольницей, одетой в ярко-розовый свитер с надписью «Barbie» и темно-синие джинсы.

– Мама, – ныла малышка, – праздничные уши! У всех есть! А у меня нет. Хочу-у-у!

Мать, перебиравшая на полке кружки, оторвалась от увлекательного занятия.

– Где их берут?

Дочка показала пальцем на контейнер, из которого торчали ободки с прикрепленными к ним на длинных пружинах двумя большими разноцветными кругами с пришитыми по краям бубенчиками.

– Вот! Хочу.

– Леша, возьми ей пару, – попросила женщина мужа, который стоял, опершись о набитую всякой всячиной тележку.

Супруг перевел взгляд на ценник.

– Четыреста рублей?! Да никогда.

Губы крошки начали кривиться, ее глаза наполнились слезами.

– Хочу-у-у…

– Желание развивает характер, – отрезал отец, – можешь обораться, Светка, но ты их не получишь.

Капризница села на пол и зарыдала. Девочка постарше закатила глаза и отошла в сторону, мальчик остался около родителей.

– Леша, – зашипела жена, – тебе жалко четыре сотни? Это цена нашего спокойствия. Если Светка сейчас эту дрянь не получит, она будет рыдать, изведет всех, в конце концов ты сам ей что угодно дашь, лишь бы замолчала.

Алексей выпрямился:

– Катерина! Четыреста целковых с неба в рот не падают. Я нефть у народа не ворую, деньги у пенсионеров не тырю.

– Ой, перестань, – отмахнулась жена, – подумаешь, четыреста деревянных.

– Хочу-у-у, – рыдала Светлана, – а-а-а-а!

Мальчик наклонился к сестре:

– Пошли, куплю тебе ушки.

Сестренка засучила ногами по полу.

– У тебя дене-е-е-ег не-е-ет!

– Есть, – возразил подросток, – целых пять тысяч.

– Так, – грозно произнес отец, – и где ты их взял? У матери из кошелька спер? Отвечай, Никита.

– Заработал, – пояснил сын, – я чищу по утрам Майоровым и Елкиным машины от снега, осенью мыл их тачки. Вот и насобирал.

– Во богатые сволочи! – возмутился Алексей. – Самим лень, так детей нанимают. Ну я им все скажу.

– Не надо, папа, – испугался Никита, – я заработка лишусь.

– Об уроках думать надо, а не о деньгах! – разозлилась в свою очередь мать. – Попроси у меня, я тебе дам.

– Просил, а ты не даешь, – возразил мальчик, – говоришь, отец копейки зарабатывает, ты о шубе сто лет мечтаешь и никак ее не получишь.

– А-а-а-а, – завизжала Светлана, – у всех уши-и-и-и-и…

Брат взял из контейнера один ободок с ушами на пружинах.

– Двигаем на кассу.

Малышка живо вскочила и ринулась вперед.

– Кит, лови сестру скорей, – велела мать, – еще потеряется, ищи ее потом!

– Не смей покупать ерунду, – заорал отец, – нельзя поощрять капризы, Светка и так у нас на голове сидит. Запрещаю тебе брать эту хрень!

Никита, успевший отойти на некоторое расстояние, обернулся.

– Ты не можешь приказывать, как мне распоряжаться собственноручно заработанными деньгами. Я не у тебя рубли беру, сам их заслужил. Тебе жалко Светке барахло купить, а мне нет. В чем проблема? Не вижу ее!

– Ты не видишь проблемы, потому что дурак, – вскипел родитель. – Ты обязан старших слушать. Я умнее. Значит…

– Папа, кем работает палочник? – неожиданно спросил Никита.

Алексей снял с себя куртку и бросил ее в тележку на гору товара.

– Ну ты спросил! Палочник делает палки, ежу понятно.

Подросток рассмеялся:

– Папа, палочник нигде не работает. Это насекомое, еще его называют листовидкой. Палочник – домен: эукариоты, царство: животные, тип: членистоногие, подтип: трахейнодышащие, надкласс: шестиногие, класс: насекомые, подкласс: крылатые насекомые, инфракласс: новокрылые насекомые, отряд: привиденьевые.

Отец застыл, а мать разозлилась.

– Умный слишком. К чему ты нам все это говоришь? Не на уроке ботаники находишься.

– Биологии, – поправил сын, – папа сказал, что я обязан его слушаться, потому что он умнее.

– Да, – прошипела Екатерина, – тот, кто пока ни фига не знает, обязан разума у умного человека набираться.

– В моей голове намного больше информации, чем у отца, – парировал Никита, – я разговариваю на трех языках, победил на всех олимпиадах в этом году. А папа с ошибками слово «корова» пишет. Так кто у кого разума набираться должен?

Екатерина уперла руки в боки, а Никита быстро нырнул в толпу покупателей и исчез.

– Твое воспитание, – заорал Алексей, – отдала парня в школу для гениев, и вот результат. Отцу хамит! Старших не уважает. Ты хреновая жена, тупая хозяйка и дура-мать. Алиска двоечница, Никита себя умнее всех считает, младшая избалована до крайности. Зачем нам Светка ваще нужна была? А? За каким хреном ты ее родила! Все. Хватит. Разбирайся с бардаком сама! Я ушел!

– Куда? – испугалась Екатерина. – Лешенька, успокойся.

– Да куда хочу, туда и иду, – заорал супруг, схватил куртку и пошел по центральному проходу вперед.

– Лешенька, оставь кошелек, – попросила жена.

Муж обернулся:

– Во! Все, что тебе от мужика надо! Деньги! Остальное не колышет! В квартире грязь, обеда нет, дети от рук отбились, теща мозг съела! Муж уходит, а ты про рубли беспокоишься. Ну и кто ты после этого?

– Завтра Новый год, – залепетала Екатерина, – подарков детям… маме… полная тележка… мне на кассе нечем расплатиться… Не сердись.

– Вечно ты мной недовольна, что ни сделаю, все плохо, ты мне жить не даешь, – отрезал муж и исчез в толпе.

– Лешенька, – кинулась вдогонку Екатерина, споткнулась о колесо тележки, упала и заплакала.

Я в этот момент выбирала чашки с изображением елок, увидела упавшую женщину, подошла к ней, помогла подняться и сказала:

– Успокойтесь.

– Он меня бросил, – заливалась слезами Екатерина, – наговорил гадостей и ушел. То, что он сказал, – неправда. Я хорошая хозяйка, дома чисто, в холодильнике полные кастрюли. Деньгами экономно распоряжаюсь, ни копейки зря не потрачу. Никита меня шубой попрекнул. Ну, прав он! Хочется мне норку, светлую, такую… колокольчиком… вон как у той бабы. Видите? Красивая шубка, да?

Я покривила душой.

– Очень.

Екатерина вытерла нос.

– Оглянитесь вокруг, все в мехах, а я в убогом пуховике. Неужели не заслужила хоть полушубок из норочки? Крохотулечный, до талии?

Я попыталась утешить расстроенную женщину:

– Манто не главное в жизни, я вот в обычной куртке и прекрасно себя чувствую.

– Вы сколько лет замужем? – спросила Катя. – Детей много?

– Совершенно свободна, – ответила я, – ни супруга, ни наследников.

– Тогда вам можно оборванкой ходить, – вздохнула Катя, – а я солидная дама, многодетная. Разве красиво Алексей поступил? Оставил меня без денег. А я есть хочу, мы тут уже три часа ходим.

У собеседницы в сумке затрезвонил мобильный, она его вытащила. Я покосилась на трубку. Похоже, не все у Кати так уж плохо, такой телефон не всякий себе позволить может.

– Никита! Вы где? Ага. Ага. Ну… ладно. Хорошо. Не знаю. Где-нибудь похожу.

Екатерина положила телефон в карман.

– Кит, конечно, слишком собой гордится и за словом в карман не лезет, но он добрый, учится в школе для особо одаренных детей, гений. Ему тринадцать, а он уже в одиннадцатом классе. Купил Свете уши и повел ее в игрогородок, сказал, что они там часок побегают. Алиска, как всегда, обиделась и куда-то заныкалась. Ну почему они так со мной поступают? Вечно мать во всем виновата. Лешик психанул, но дети-то и правда капризничают. Неужели не понятно? Светка, конечно, избалованная, но наказали, получается, меня! Голова кружится, кофе выпить надо, а муж ни рубля не оставил. Почему бы ему не подумать, что я устала и мне надо где-то посидеть? Никита сейчас сестру развлекает, Алиска постоянно губу оттопыривает, дуется, и ко мне с претензиями: «Киту купили ботинки, а мне? Светке дали мороженое, а мне?» Я просто больше не могу! Устала от них. Вы еще Галину Сергеевну, мою мать, не видели, она с нами в магазин увязалась. Хорошо, что отошла за журналами. Мать меня до сих пор воспитывает, все я не так делаю: не за того замуж вышла, неправильно с детьми себя веду. Я, по мнению родных, самая плохая, глупая, ленивая, поэтому мне даже шубка не положена, коротенькая…

Катя всхлипнула и начала вытирать ладонью слезы, катившиеся по щекам.

Я показала на небольшое кафе.

– Давайте чаю попьем!

Катя всхлипнула:

– Хорошо бы, но Леша кошелек унес.

– Я приглашаю вас, – улыбнулась я, – одной как-то не хочется сидеть.

– Неудобно, мы же незнакомы, – пробормотала Екатерина.

Я протянула ей руку:

– Виола Тараканова. Пришла купить сувениры на Новый год. С наступающим вас! Давайте отметим предпоследний день декабря вкусным напитком с пирожными. Сегодня я вас угощаю, а на будущий год вы меня в это же время в кафе позовете.

Катя мигом повеселела:

– Спасибо! Согласна. Я Екатерина Горюнова.

Глава 2

– Ой, какие красивые пирожные. Вы очень много заказали! – смутилась Катя, когда на столе появилось большое блюдо с десертом.

– Скоро ваши дети начнут разыскивать вас, прибегут сюда и доедят то, что мы не осилим, – засмеялась я.

– Ну, тогда постараюсь налечь на эклерчики, – потерла руки Горюнова.

Официантка налила в чашки чай, и мы принялись болтать. Катя оказалась открытым, бесхитростным человеком, она тут же начала рассказывать о своей семье.

Браку Горюновых пятнадцать лет, и состоялся он по залету. Когда Катя забеременела, ей исполнилось двадцать два года, а Алексей едва справил двадцатипятилетие. Пара встречалась всего месяц – и вдруг такой сюрприз. Узнав о том, что ей предстоит стать матерью, Катя обрадовалась. Алеша ей нравился: высокий, красивый, хорошо танцует, рассказывает анекдоты, в любой компании сразу становится центром внимания, Кате все подружки завидуют. Ну чего еще надо для счастья?

А вот у Катиной мамы было полярное мнение, когда дочь привела в дом парня и представила его как своего жениха, будущая теща не бросилась выставлять на стол все самое вкусное из холодильника. Нет, она усадила юношу на кухне и, даже не налив ему чаю, устроила Леше настоящий допрос. Когда он, ответив на ее вопросы, убежал, Галина Сергеевна, поджав губы, заявила:

– Дочь! У твоего принца нет квартиры, денег, родителей, высшего образования и престижной работы. Он нищий бомбист, зарабатывает извозом. Мне такой зять не нужен. Пока до греха не дошло, пошли его подальше.

Катя покраснела, мама ошибалась, до греха дошло. Галина увидела пунцовые щеки дочери и охнула:

– Да ты беременна! Дура! Жизнь себе испортить решила? И что теперь делать?

Катюша, зная суровый характер матери, сильно перепугалась. А ну как она отправит ее на аборт, а Катя хотела ребенка. Большинство ее подружек уже обзавелись младенцами, взахлеб рассказывали, как они счастливы, как их обожают мужья… Катерина считала себя неудачницей, у нее личная жизнь не складывалась, в частности, еще и потому, что маме не нравился никто из ее ухажеров. Галина Сергеевна мечтала о богатом зяте с большим домом, машиной, солидным счетом в банке, без бывших жен-детей, молодом, и чтобы он любил-уважал тещу. И в каком заповеднике водятся подобные особи? В бедный район покосившихся пятиэтажек, где живет Катя, райские птицы не залетают, и львы в золотых попонах на фирму, где девушка работает скромным бухгалтером, не забегают. Хорошо хоть Алексей туда заехал, если она лишится Леши, рискует

остаться старой девой. И Екатерина впервые в жизни решилась поступить по-своему, она храбро сказала матери:

– Аборт не сделаю. Я выхожу замуж.

– Ладно, – хмыкнула мать, – а жених-то в курсе, что ты под венец собралась?

И снова Галина Сергеевна оказалась права. Алексей ничего не знал о планах Кати. Известие о том, что он скоро станет отцом, шокировало Горюнова. Он не планировал вешать себе на шею ярмо брака, Катя была всего лишь одной из многих, с кем парень весело проводил время.

Алексей попытался уговорить Катю избавиться от ребенка, но она была непреклонна, хотела свадьбу, машину с лентами и куклой на капоте, белое платье, гостей, подарков… Ну, чтобы все как у людей. И пришлось Алеше покупать скромное колечко с горным хрусталем, который издали вполне можно было принять за бриллиант.

Галина Сергеевна, обозвав жениха нищебродом, раскошелилась и оплатила свадебный пир в кафе. Мать злилась, а Катюша была счастлива.

Поселились молодые у Кати, думаю, не стоит рассказывать, что скандалы начались наутро после похода в загс. Галина Сергеевна безостановочно делала Алексею замечания, упрекала зятя за неумение заработать, тот огрызался, орал на жену. Алиса родилась слабенькой, постоянно болела, плакала по ночам, не давала родителям спать, девочке требовалась одежда, качественная еда, игрушки. Катя была в декрете, Галина Сергеевна получала пенсию, а Леша зарабатывал извозом. Стабильного дохода он не имел, в кармане у него всегда свистел ветер. Представьте, как «обрадовался» и он, и мать, когда выяснилось, что Катя на пятом месяце?

Мать и муж, впервые объединившись в команду, налетели на нее с упреками. Катюша рыдая, оправдывалась:

– Не понимаю, как это получилось, месячных-то еще не было после родов, и я грудью кормлю, значит, предохраняться не надо, так все подруги утверждают.

– Надо к врачу ходить, а не идиоток слушать! – заорал Алексей. – Куда нам второй спиногрыз? И Алиска-то не нужна!

Аборт Кате никто не взялся делать. Одна из подружек дала ей какие-то таблетки, сказала, что они стопроцентно вызовут выкидыш, но лекарство не сработало. Галина, узнав, что дочь пьет пилюли, надавала ей пощечин и завопила:

– Дура! Родишь урода, всю жизнь потом с ним мучиться будешь. Если появится дебил, сразу от меня съедете, не хочу перед соседями позориться.

Жизнь казалась Кате беспросветной, она плакала с утра до ночи. Но тьма сгущается перед рассветом, птица удачи наконец-то решила к ней прилететь.

Под их пятиэтажкой «поплыл» фундамент. Несколько месяцев здание изучали разные комиссии, и в конце концов его признали аварийным. И тут следует отдать должное уму Галины Сергеевны. Она живо прописала в квартиру нелюбимого зятя, разделила лицевой счет, и двушка стала юридически считаться коммуналкой. В ней теперь жили молодая семья Горюновых и одинокая Галина Сергеевна Петрова. Катя терялась в догадках, почему мама так поступила. Но потом дочь оценила ее хитрый план. Через год дом начали расселять. Молодая пара тогда уже имела двоих детей: Алису и Никиту, поэтому им, учитывая разнополых отпрысков, выделили просторную трешку в новостройке.

Первые месяцы после переезда Катя не спала по ночам, ходила по хоромам и не могла нарадоваться. Господи! У нее пятнадцатиметровая кухня, большая прихожая, гостиная, спальня, детская, два санузла, лоджия, кладовка! На полу паркет! Мебели, правда, нет, а вместо люстры с потолка на проводе свисает простая лампочка. Но ведь диваны-кресла дело наживное, можно пока и на надувном матрасе поспасть. Главное, есть свои стены, а на кухне Катя полноправная хозяйка. И была еще неописуемая радость: Галине Сергеевне дали уютную норку в другом доме, который стоял у метро. Во время совместного проживания мать ежесекундно делала дочке замечания, без стука распахивала дверь в комнату, где жила молодая пара. Ни одного дня не проходило без скандала, инициатором которого почти всегда являлась госпожа Петрова. Но теперь, когда Галина Сергеевна оказалась на расстоянии, пусть и совсем небольшом, она потеряла возможность измываться над зятем и дочерью. Нет, Катя любит маму, старается ей помочь, постоянно навещает ее, но беспредельно

счастлива в своей собственной квартире.

Избавившись от опеки Галины Сергеевны, Горюновы стали жить дружно, у них прекратились скандалы. Алиса перестала болеть, ходила в садик. Никита тоже рос и поражал всех вокруг своим умом. В три года мальчик сам научился читать. Как он выучил буквы, Катя не знала, просто в один день Кит вдруг взял глянцевый журнал и бойко прочитал:

– Астрологический прогноз для Тельцов.

– Леша! – ахнула мать. – Нет, ты послушай!

Дальше – больше. Сыну исполнилось четыре года, когда он дернул в магазине Катю за кофту и сказал:

– Тетя посчитала неверно.

– Не мешай, – отмахнулась мать, – не отвлекай меня на кассе.

Но Никита не отстал, он, держа в руке чек, начал показывать пальцем на покупки, которые Екатерина еще не успела убрать в сумку.

– Это стоит сто рублей, вон то семьдесят, мыло двадцать четыре, шампунь сто, мясо двести тридцать восемь. Итого получается пятьсот тридцать два. Ты дала тыщу, сдача составляет четыреста шестьдесят восемь рублей. А тетя вернула триста пятьдесят. Мама! Где шампунь? Ты его не брала. В бумажке он есть, а тут его нет!

Катя сначала не поверила своим ушам, но потом налетела на бабу за кассой. А та, ошеломленная математическими способностями мальчика, который едва доставал матери до колен, безропотно вернула зажуленную сдачу и деньги за шампунь.

В младшей группе детского сада Кит продержался неделю, его сразу перевели к самым старшим детям. В пять лет мальчик пошел в школу. Он был намного умнее старшей сестры. Алиса стала школьницей в семь лет и получала одни тройки. И с деньгами у Горюновых по-прежнему не ладилось. Леша несколько

раз устраивался на постоянную работу в разные фирмы, но они быстро прогорали, ему опять приходилось заниматься извозом. Потом Горюнову вдруг повезло. Когда старшим детям исполнилось восемь и семь, один человек предложил ему купить автомастерскую, денег он не требовал, хотел участвовать в прибыли. Алексей согласился, но едва он подписал все бумаги, как Катя забеременела в третий раз. Едва жена заикнулась об интересном положении, Алексей взвился ракетой.

– Нет! Двух спиногрызов мне более чем достаточно. Третий не нужен. Только-только голову из дерьма высунули, ты на работу вышла, я надеялся, что ты хоть на оплату коммуналки заработаешь и перестанешь у меня на губную помаду клянчить. И что? Опять в декрет? Записывайся на операцию!

– Аборт поздно делать, – всхлипнула Катя.

Алексей опешил, потом налетел на жену.

– Мерзавка! По одной схеме действуешь? Женила меня на себе по залету, потом живо Никиту сделала и молчала, пока живот на нос не полез. А теперь опять? Хочешь, чтобы я всю жизнь пахал на желторотых? Дома сидеть нравится? Ни фига не делать? Ищи врача где хочешь!

Разразился мощный скандал, Кате стало плохо, перепуганный Алексей вызвал «Скорую». Врачи намерили высокое давление, узнали о беременности, уложили Горюнову в больницу. Речь об аборте больше не заходила. И в положенный срок родилась Светлана. Катя сразу полюбила ее больше всех детей и стала нещадно баловать.

Два года назад директор гимназии, где учился Никита, сказал матери:

– У вас необыкновенный мальчик. Гений. Наше учебное заведение хорошее, но оно для обычных детей. Советую обратиться в «Архимед», это частный центр, но плату за обучение там не берут, попасть туда трудно, в классах не более четырех человек занимается, ребят отбирают тщательно посредством жесткого тестирования. Многие родители мечтают пристроить туда отпрысков, да пройти вступительные экзамены трудно. Но, полагаю, у Никиты проблем не будет.

Кит блестяще справился со всеми заданиями и очутился в «Архимеде». Со стороны казалось, что судьба щедро одаривает Горюновых за прежние трудности, все у них теперь ладится, да еще в придачу сын-гений. Но нет мира под оливами. Алиса в отличие от Никиты училась плохо, учителя ставили ей неуды, которые превращались в тройки после того, как Катя притаскивала педагогам подарки. Старшая девочка росла ревнивой, шпыняла Свету, вечно жаловалась на младшую сестру. Никита хорошо относится к малышке, но после поступления в «Архимед» он постоянно демонстрирует всем свой незаурядный интеллект, считает родителей и Алису идиотами. Светлана капризна без меры, закатывает истерики по любому поводу, Алексей упрекает Катю в том, что та плохая мать, отвратительная хозяйка, ругает ее за расточительство. После приобретения автомастерской супруг стал патологически жадным и истеричным. Родная мать пилит Катю за то, что она нарожала прорву детей и не способна достойно содержать ее…

Страстный рассказ Кати прервал телефонный звонок.

Глава 3

Горюнова вынула трубку.

– Алло! Алло! Никита! Алло! Ну что такое! Киту администрация школы за победу в математической олимпиаде подарила новый айфон, он мне старый отдал, который за доклад на конференции от устроителей получил, а тот постоянно глючит!

Мобильный снова зазвонил.

– Алло! Алло! – надрывалась Катя. – Не слышу тебя, Кит! Я в кафе на первом этаже, прямо напротив места, где ты ободок с ушами Светке брал. Эй! Вот черт! Опять завис!

– Попробуйте позвонить мальчику с моего телефона, – предложила я, протягивая Екатерине сотовый.

– Спасибо, – воскликнула она и начала тыкать пальцем в экран.

– Мама, – раздался сзади голос, – мама, мы тут.

– Фу, – выдохнула Екатерина, – ты меня услышал!

– Да, – кивнул Никита, держа за руку Светлану.

– Где Алиса? – опомнилась мать.

– Не знаю. Она с тобой осталась, – ответил Кит.

– Хочу это! – заявила малышка, показывая пальцем на пирожные.

– Садись, – предложила я.

– Нет! Буду есть стоя, – закапризничал ребенок.

– Разве ты лошадка? – улыбнулась я. – Только она на ходу ест.

– Да! – обрадовалась Света, скидывая на пол куртку. – Я лошадь!

Я вздохнула: совсем не умею обращаться с маленькими детьми. Думала, Светлана сейчас ответит: «Нет» и спокойно усядется на стул.

Девочка тем временем с воплем «И-го-го! И-го-го!» стала носиться между столиками, уронила на пол чью-то сумку, подскочила к матери, схватила с блюда эклер и целиком запихнула его в рот.

– Света! – возмутилась Катя. – Нельзя брать еду немытыми руками!

Я опустила глаза. Отличная реакция. На мой взгляд, следовало сделать замечание ребенку: «Так себя не ведут. Сядь и вежливо спроси: «Можно взять пирожное?»

Светлана хотела что-то сказать, открыла рот, недоеденный эклер вывалился на ее платье.

– Неряха, – укорила мать, схватила малышку за руку и повела к туалету.

– Нет, нет, нет, – завопила Света, тормозя пятками, – не туда! Хочу-у-у назад!

– Надо вымыть ручки, отряхнуть платьице… – завела Катя.

– Нет, ты плохая, фуу, какашка, – заныла дочь.

Мать закатила глаза.

Света вскарабкалась на стул, схватила корзиночку с кремом и начала жадно ее есть. Катя вздохнула:

– Доченька, аккуратнее.

Девочка показала матери язык, вытерла руки о скатерть, взяла мою чашку с недопитым чаем и с хлюпаньем опустошила ее.

– Она еще очень маленькая, – смущенно забормотала Екатерина, – не понимает, что хорошо, а что плохо.

– Воспитывай ребенка, пока он лежит поперек лавки, а когда он лег вдоль лавки, уже поздно, – назидательно сказал Никита, – русская пословица. Мама, с детьми надо построже. Тобой все вертят, и Алиса…

– Она хорошая, – прошептала Катя, – очень красивая! Прямо загляденье, а не девочка.

– Двоечница, – отрезал Кит.

– Дорогой, твоей старшей сестре учение трудно дается, – объяснила мать, – так всегда получается, Господь либо ум, либо внешность дарит.

– Нет. Ей лень задания выполнять, – скривился мальчик. – Сядет вроде как уроки делать, а сама журнал про моду читает. И вечно жалуется, что голова у нее болит, кружится. Врет! А ты веришь и предлагаешь: «Посиди дома, раз заболела». Лентяйке только этого и надо. С Алиской надо построже. Голова болит? Умойся и на занятия дуй.

– Девочка родилась слабенькой, – начала оправдывать старшую дочь Катя, – первый год постоянно болела…

– Мама, ты Алиске своей опекой только хуже делаешь. И Светке иногда полезно по затылку зафигачить.

Кит не успел договорить, Светлана схватила чайник, попыталась поднять его и уронила, крышка свалилась, темная жидкость потекла по скатерти.

– Ах ты господи, – запричитала Катя, вскакивая, – Светонька, ты не ошпарилась? Сейчас промокну лужу.

– Хочу-у-у пить, – заныла девочка.

– А-а-а, все в кафе сидят, а меня не позвали, – раздался за моей спиной обиженный голос.

Я обернулась и увидела Алису.

– Без меня все съели? – продолжала та. – А мне фигу? Очень красиво.

– Доченька, – зачастила Катя, – Виола нас угощает, папа кошелек унес.

– Почему мне не позвонили? – гнула свое Алиса. – Я всегда в пролете. Мне ничего никогда не достается.

– Деточка, это неправда, – укорила ее Катя.

– Никите сегодня купили плеер, Светке куклу, подарок с конфетами, набор «Парикмахер», плюшевую собаку, – перечисляла Алиса. – А мне? Мне что? Где мои подарки, а?

– Они непременно под елкой будут, – заверила Катя, – завтра их найдешь.

Но Алиса не успокоилась, она ткнула пальцем в брата.

– Ему Дед Мороз ничего не притащит?

– Почему? – удивилась мать. – Все получат подарки.

– И Светка? – не успокаивалась старшая сестра.

– Конечно, – заверила Катя, – ты очень хорошая девочка, переживаешь за младших, боишься, что им ничего не достанется? Не волнуйся.

– Это нечестно! – топнула ногой Алиса. – Им сегодня кучу подарков накупили, а мне фигу! У них и сейчас полно всего, и завтра еще получат. А мне? Мне что? Почему мне меньше их достается?!

Екатерина на секунду растерялась.

– Тебе туфли купили!

– Это не считается, – заявила Алиса, – обувь – необходимость. Мне что, по-твоему, босой рассекать?

– Чего трубку не берешь? – раздалось сбоку.

Я повернулась и увидела Алексея, который с сердитым видом приблизился к столику.

– Хочу пи-и-ить! – завопила Света. – А-а-а.

Отец стукнул кулаком по спинке стула, на котором сидела Катя.

– Молчать! Надоели. Расселись тут! Катька, откуда деньги на гульбарий?

– Пи-и-ить, – завизжала Светлана, сползла на пол и заколотила пятками по полу.

– Вы тут не одни, – выразила недовольство дама за соседним столиком, – не мешайте отдыхать. С невоспитанным ребенком надо дома сидеть.

– Заткни ее, – прошипел Алексей.

– Мне ничего не купили, – всхлипнула Алиса.

– А-а-а, – выводила Света.

– Официант, – крикнула соседка, – решите проблему, или мы уйдем, не сделав заказ.

Катя опустила голову и заплакала.

Никита схватил Свету и поволок к выходу из кафе, Алексей дернул Алису за рукав.

– Захлопнись. Че? Бабкиной любимицей неожиданно стала? Она тебе мозг рассказами о том, как ты великой манекенщицей станешь, запудрила? Крышу тебе снесло от того, что отобрали в конкурсе красоты участвовать? А ну как я тебе запрещу глупостями заниматься! Шляешься в тряпках перед озабоченными мужиками. Да все эти «мисс» – шлюхи. Хочешь, чтобы я тебе наподдал? Думаешь, я бабки побоюсь?

Алиса покраснела.

– Не смей меня бить!

Отец опешил.

– С ума съехала? Я тебя пальцем не тронул.

– Мама! Ты видела, как отец меня сейчас по руке треснул? Со всей дури! – взвизгнула Алиса.

– Не было такого, – обомлел Алексей, – я тебя за кофту взял легонько.

Девчонка задрала рукав.

– Вот! Вот!! Вот!!! Синяк растет. Отец меня ненавидит, вы любите только Светку и Никиту! Я повешусь! Из окна выпрыгну! Заплачете у моего гроба, но поздно будет!

Алиса выбежала из кафе, за ней с криком «Доченька» ринулась мать.

– Блин, – буркнул отец семейства и тоже ушел.

Я уставилась на залитую чаем скатерть. Официантка положила на край стола кожаную папочку.

– Счет, пожалуйста.

Я взяла сумку, и тут затрезвонил мобильный.

Глава 4

– Виола Ленинидовна? – спросил приятный женский голос. – Беспокоит Анюта Королева. Напоминаю вам про финал конкурса «Девочка года» по версии журнала «Красавица», который состоится второго января. Вы же будете?

– Конечно, – заверила я, – не волнуйтесь, непременно приеду.

Но Анюта не отставала.

– Без вас никак. Вы у нас председатель жюри.

– Помню, – ответила я, – от меня еще нужен личный приз.

– Да, да, – подтвердила Королева, – небольшой подарок для той, кто вам больше всех понравится. Сувенирчик. Материалы на всех участниц конкурса я только что выслала вам на почту. Обратите внимание на наш девиз «Лучшая девочка из лучшей семьи». Да, мы будем выбирать наиболее красивую, но в финале конкурсов много, среди них есть интеллектуальные, участницам придется проявить смекалку. И поинтересуйтесь сведениями об их семьях. При прочих равных условиях предпочтение лучше отдать девочке с хорошими родителями.

– Богатыми, знаменитыми? – усмехнулась я.

– Конечно нет, – возразила Анюта, – нам все равно, привезли девочку на «Порше» или она на метро прикатила. Важно другое. Родные победительницы не должны быть пьяницами, наркоманами, приветствуется наличие полной семьи – отец и мать. Если есть бабушки-дедушки, братья-сестры, прекрасно. Но коли отец участницы сидит в тюрьме, это не годится. Журнал «Красавица» не должны ассоциировать с уголовниками. Можете сейчас открыть почту?

Я вынула из сумки айпад.

– Да, конечно. Вижу ваше послание.

– Отлично, – обрадовалась Анюта. – Второго числа последний день конкурса, осталось десять участниц, это финал. Вначале их было несколько тысяч, основная масса отсеялась в первом туре, остальные в следующих. Вы назовете трех победительниц. Девушка, которая получит Гран-при, подпишет контракт с лучшим рекламным агентством и улетит в Нью-Йорк.

– Девочкам всего четырнадцать лет, – удивилась я.

– Да, конечно, потребуется разрешение родителей. Но большинство успешных моделей именно в таком возрасте выходило на подиум, – зачастила Анюта. – Давайте поговорим об участницах финала. В фаворитах Марина Григорьева, Софья Яковлева и Алиса Горюнова. Они с первого тура лучше всех себя проявили, каждая набрала большое количество баллов. Предположим, что жюри их отобрало, Марина, Соня и Алиса одинаковы по всем параметрам, прекрасно танцуют, великолепно показали бальные платья, а это сложно. Но первое место одно, кому отдать корону? И вот тут надо посмотреть на родителей. У Григорьевой дедушка поет в хоре, бабушка вышивает картины, сама Марина

отличница, идет на медаль. Ее отец пожарный, герой, некоторое время назад вынес из огня парализованного человека, мать – бухгалтер в благотворительном фонде. Старший брат девочки на последнем курсе юридического, средний учится в Питере, он станет капитаном дальнего плавания. Понимаете, какая прекрасная семья? Теперь о Соне Яковлевой. Отца нет, мать – секретарь у крупного бизнесмена, Софья в школе успевает средне, с четверки на тройку перебивается, она часто участвует в конкурсах, но выше второго-третьего места не поднимается. Девочка с большими амбициями, очень высокого о себе мнения. Кстати, у Марины Григорьевой такой же характер, и она тоже вечно на втором месте. И Марина, и Соня с юных лет участвуют в конкурсах красоты, стабильно попадают в финал, но ни та ни другая пока ни разу не получили корону. Замыкает тройку лидеров Алиса Горюнова. Ее отец частный предприниматель, владелец автомастерской, мать – домашняя хозяйка. Девочка плохо успевает, едет на тройках. У Алисы есть брат-вундеркинд Никита, он обучается в центре «Архимед», туда попадают лишь особо одаренные дети. Мальчику тринадцать лет, а он уже заканчивает школу, получил приглашение поступать в Оксфорд. Младшая дочь Светлана ходит в сад. Бабушка – пенсионерка. И что у нас получится, если мы оценим домашнюю обстановку конкурсанток? Безусловно, первое место у Марины, второе у Алисы, несмотря на ее тройки, и замыкает группу Софья.

– Алиса Горюнова, – пробормотала я, проглядывая текст, – брат Никита, сестра Светлана, мать Екатерина, есть бабушка Галина Сергеевна.

– Плюсов Алисе придают брат-гений и то, что она из многодетной семьи, – пояснила Анюта. – У Григорьевой и Горюновой есть и отец, и мать, а Софья живет с одной мамой. Алиса впервые участвует в конкурсе красоты, в отличие от Марины и Софьи не имеет опыта в подобных соревнованиях, но попала в тройку лидеров. У нее непростой характер, она на все обижается, но у Алисы такая бабушка! У Галины Сергеевны железный характер, это танк, а не женщина, она внучку в узде держит и твердой рукой ведет ее к победе. Мать Лисы я ни разу не видела, но поняла, что в семье верховодит Галина Сергеевна.

Я сообразила, что господин Случай столкнул сегодня в торговом центре председательницу жюри с одной из фавориток конкурса.

– Виола, вы меня слышите? – забеспокоилась Анюта. – Почему молчите?

– Читаю биографии школьниц, – соврала я.

Наверное, не стоит рассказывать Королевой, как я познакомилась с Горюновыми. Наше общение с Катей и ее малопривлекательным семейством было поверхностным. Но мы сидели бок о бок в кафе, Екатерина рассказала мне много о своей семье. Председателю жюри нужно быть объективным, поэтому он не имеет права заводить личное знакомство ни с участницами, ни с их родителями. Если Анюта узнает о том, как мы с Катей вместе лакомились пирожными, она может лишить меня председательского статуса. Я не особенно расстроюсь по этому поводу, наоборот, даже обрадуюсь, потому что не испытываю ни малейшей радости от того, что придется целый день сидеть в душном помещении и смотреть на девочек, которые ходят по сцене в разных платьях. Я бы провела второе января иначе, села бы писать новую книгу, а то у меня вот уже неделю на столе лежит чистый лист бумаги, на котором написана одна фраза: «Наступила осень». Все. Дальше я пока не продвинулась. Но, если меня попросят из жюри, мой издатель разозлится и устроит скандал. Иван Николаевич Зарецкий не оставляет надежды сделать Арину Виолову (под этим псевдонимом я пишу криминальные романы) круче самой Смоляковой. Я отлично понимаю: мне Миладу никогда не догнать, она пишет романы с нечеловеческой скоростью, и все они раскупаются читателями, как горячие пирожки с мясом, которые морозным зимним утром бесплатно раздают на платформах Курского вокзала. Но Иван наивно считает, что мелькание Арины Виоловой в разных телепрограммах обязательно приведет к увеличению тиража моих произведений. Поэтому Зарецкий предпринимает массу усилий, чтобы поставить меня перед камерами, и не всегда его затеи оканчиваются хорошо. О своем участии в одном телешоу я до сих пор вспоминаю с дрожью[1 - Виола вспоминает события, которые описаны в книге Дарьи Донцовой «Магия госпожи Метелицы», изд-во «Эксмо».]. И вот теперь мне предстоит возглавлять жюри конкурса «Девочка года». Мероприятие организует журнал «Красавица», он очень популярен, поэтому на финал, грохоча камерами, приедут представители разных телеканалов. Не знаю, что Иван пообещал владелице издания, но ему удалось усадить меня на трон председателя жюри в тот день, когда будут вручать корону победительнице.

– Виолочка, прочитали? – спросила Анюта.

– Да, да, – опомнилась я, – но, на мой взгляд, дети за родителей не отвечают. И, если не ошибаюсь, некоторые всемирно известные модели вышли из крайне неблагополучных семей.

– Виолочка, дорогая, – зашептала Королева, – такова позиция владелицы журнала «Красавица» Аллы Константиновны Мироновой. Я не могу с ней спорить.

– Ладно, – пробормотала я.

– Вы умничка, обожаю вас, – затараторила Анюта, – сейчас зачитываюсь вашей новой книгой «Лапти-скороходы». Прекрасно написано! Ничего не понятно! Кто убийца? Я прямо дрожу от восторга. Ждем вас второго января с нетерпением.

Я положила телефон на стол. Навряд ли фраза «ничего не понятно» может служить похвалой писателю. Но в панегирике Анюты есть еще одна неувязочка. Детектив «Лапти-скороходы» написала Милада Смолякова. Королева перепутала авторов. Ладно, сделаю вид, что мне не обидно, совсем даже не обидно, категорически не обидно, я весела, бодра, и, в конце концов, возглавить жюри пригласили меня, а не Миладу. Надо думать о своих успехах, они повышают самооценку.

Я убрала телефон в сумку и открыла кошелек, чтобы расплатиться по счету. Вилка, перестань себя утешать. Пожелай Смолякова потерять целый день зря, восседая во главе судейской бригады, устроители мероприятия пришли бы в восторг. Просто Миладе ничего этого не надо. Лежащий около вазочки с салфетками мобильный затрезвонил, я взяла его.

– Слушаю.

– Кто вы ваще? – спросил женский голос.

– А кто вам нужен? – осведомилась я.

– Это моя трубка, – закричала тетка, – украла мой мобильник и рада? А ну оставь, где взяла!

Я опешила, глянула на телефон и только сейчас поняла, что он чужой, свой айфон я пару секунд назад убрала в сумку.

– Воровка, – бушевала незнакомка, – сейчас тебе по рукам надают! Немедленно верни спертое!

Мне стало смешно.

– Кому?

– Мне!

– Как вас зовут?

– А тебе какое дело?

Я постаралась не расхохотаться.

– Девушка, трудно вернуть телефон, если не знаешь его владельца. И я не крала ваш сотовый, он лежал на столике. Подходите в кафе на первом этаже, оно расположено напротив отдела посуды у стеллажей с новогодними кружками.

– Ага, сиди смирно, сейчас полиция приедет! – завизжала собеседница.

Я отсоединилась и стала ждать, когда в зале появится официантка, которая унесла в кассу мою кредитку. Время шло, я заерзала на стуле. Наконец девушка вернулась к столику.

– Простите за задержку, проблема со связью, хозяин никак не купит новый терминал.

– Ничего, я никуда не тороплюсь, – ответила я. – Девушка, кто-то из посетителей оставил…

Договорить мне не удалось, я ощутила на своем плече чью-то руку, обернулась и увидела Алексея, мужа Екатерины, рядом с ним стояла немолодая женщина, одетая в добротную старомодную шубу из бобра.

– Вона как! – возмутился Горюнов. – А я-то понять не мог: с чего это Катьку пирожными угощают! Твой план ясен. Пока дура эклеры жрет, ты ее телефон тыришь!

Я показала на трубку, лежащую на столе.

– Звонившая пару минут назад женщина была очень груба. Я и представить не могла, что общаюсь с Екатериной, которая мирно пила со мной чай. Подумала: что кто-то из прежних посетителей забыл трубку, а мы с Катей не заметили ее. Хотя глупо было это предполагать, оставленный мобильник должна была унести официантка, которая перестелила перед нашим приходом скатерть. Я от шума и гама в магазине перестала соображать. Алексей! Если вор уносит мобильный, он выбрасывает симку и никогда не станет отвечать на звонки. Ваша жена просто забыла айфон.

– А ты по нему бесплатно потрепаться решила? – не сдавался Горюнов. – Родственникам в Казахстан позвонить? Наболтала на бешеные тыщи? Со всем аулом погутарила?!

– Леша, – дернула скандалиста за рукав его спутница, – дай скажу на ухо, наклонись.

– Потом, Галина Сергеевна, меня уму-разуму поучите, – огрызнулся муж Екатерины.

Но теща поднялась на цыпочки и что-то жарко зашептала ему на ухо. Он округлил глаза, поджал губы и молча ушел.

– Уж извините его, – сладко запела бабушка Алисы, заглядывая мне в глаза, – мужчины любят покричать. Я объяснила ему, что вы женщина обеспеченная, с дорогой сумкой, в недешевом свитере, в ушах серьги дорогие. Зачем такой богатой красивой даме чужой телефон? Простите нас. Дочь вам нахамила не со зла, она просто очень распереживалась, а зять – дурак. Извините меня.

– Вы ни в чем не виноваты, – улыбнулась я, – Алексей и Катя тоже. Перед Новым годом в магазине суета, из-за нее я сама поглупела.

Глава 5

Распрощавшись с Галиной Сергеевной, я направилась в отдел игрушек, нашла там симпатичного мишку в розовом платье, с короной на голове, подумала, что он будет прекрасным сувениром для победительницы конкурса, и пошла к кассе. И тут меня остановил парень в зеленом костюме и красном колпаке, на котором поочередно вспыхивали разноцветные лампочки. Он быстро заговорил:

– Новогодняя елка предлагает вам сыграть в бесплатную викторину, весь сбор от которой пойдет на подарки для детей из неимущих семей. Очень плохо, если Дед Мороз ничего малышу не принесет. Я не обманщик, мы благотворительный фонд, вот документ. Видите? «Общество «Рука счастья».

– И где ваша елка? Далеко к ней идти? – поинтересовалась я.

– Елка – это я, – потряс головой парень, – я в лесу росла, зимой и летом стройная зеленая была. Сам к вам пришел.

Я достала кошелек.

– Нет, нет, – возразила «елка», – я задам вам вопрос. Если ответите правильно, получите в подарок миниатюрную портативную картофелечистку в форме Кремлевской стены. Вот она!

Я посмотрела на трехсантиметровую пластмассовую копию Спасской башни и захихикала:

– Ну это не вся стена. А как ею картошку чистить?

Парень осторожно повернул верхнюю часть, из нижней высунулась маленькая терка.

– Берете клубень и обтериваете его, – пустилась в объяснения «елка», – если чистить ножом, все вкусное в очистки уйдет.

– Дома у меня много ножей, – возразила я. – Зачем мне портативная терка?

– Вдруг невмоготу поесть захочется на улице, а клубень как сварить? Грязным в воду бросать?

– Сомнительно, что стану разгуливать по городу с сумкой картошки, – отбивалась я от приставучего юноши, – и плиты на улице нет.

– Вещь полезная, ею можно что угодно обтеркать, например грязные сапоги! – не отставала «елка». – Все налипшее отвалится.

– Давно придуманы губки для обуви, возьмите сто рублей, и расстанемся друзьями, – предложила я.

– Нет, нет, – испугался парень, – я не имею права брать наличку в руки. Схема такая: мой вопрос – ваш ответ. Ошибетесь? Даете сотню.

– Вам же запрещено к купюрам прикасаться, – хихикнула я.

«Елка» повернулась боком:

– Видите на поясе жестянку? Это наша копилка. Сами в прорезь деньги сунете, без моего участия. Итак, вопрос! Где живет ореофаг?

Меня охватило удивление.

– Это кто такой?

Парень погрозил мне пальцем:

– Нет! Спрашиваю я.

– Не знаю ничего про ореофага, – призналась я.

«Елка» показала на жестянку:

– Стольничек детям, плиз.

Мой кошелек стал легче на одну ассигнацию.

– Сыгранем по новой? – прищурился сборщик.

– Ну уж нет, – фыркнула я, – ваша викторина чистый обман.

– Наш фонд заботится об обездоленных детях, – обиделась «елка». – Копилка закрыта, ее только попечитель открыть может. Намекаете, что я жулик? Мол, наберу деньжат и в ресторан жрать пойду? Я волонтер, бесплатно работаю.

– Я имела в виду, что на заданный вопрос нет ответа, – уточнила я.

– На всякий вопрос непременно найдется ответ, – уперся парень.

– И каков он? – полюбопытствовала я.

– Хорошо, сыграем иначе. Вопрос задаете вы, тот самый, про ореофага. Если я не отвечу, то спою вам новогоднюю песню, а если говорю, где он живет, даете еще стольник на подарки сиротам, – предложил юноша.

– Так нечестно! – пробормотала я. – Вы же в курсе местожительства этого субъекта.

– А вы хотите узнать ответ? – прищурилась «елка». – Удовлетворите свое любопытство всего за стольник, и он на хорошее дело пойдет.

– Ладно, – сдалась я. – Где живет ореофаг?

– В Ореофагии, – не моргнув глазом, ответил мошенник.

Я молча сунула в жестянку купюру, поспешила в паркинг, села в машину и порулила домой. Задумавшись, проехала на красный свет и тут же была остановлена бравым гаишником.

– А я вас узнал, – весело сказал он. – Эх, нехорошо-то как! Известная писательница, а нарушаете. Моя теща вашими романами зачитывается, сидит с

книгой и молчит. Красота. Чего так мало пишете?

– Быстрее не получается, – улыбнулась я, – могу дать автограф для тещи, как раз сегодня мне авторские экземпляры нового романа дали. Под запрещающий сигнал светофора проехала случайно, у меня день тяжелый был. Не отнимайте права, пожалуйста, я без машины как без ног.

– По магазинам шарились, подарки покупали? – предположил сержант.

– Точно, – согласилась я, – устала как собака! Народу в каждом отделе тьма! Хочу скорей домой попасть.

– Сейчас неприятную новость сообщу, – объявил гаишник.

– Отбираете права, – вздохнула я.

– Нет, – возразил он, – я припомнил: вы на перекресток въехали, и тут желтый вспыхнул. Вынужденно продолжили движение.

– Спасибо, – обрадовалась я и взяла книгу. – Как зовут вашу тещу? И что за неприятное известие у вас припасено для меня?

– Нина Сергеевна она, – ответил дорожный полицейский. – У вас права заканчиваются через неделю, менять надо.

– Ну и ну, – удивилась я, – только что их получила.

– Уже куча лет прошла, – вздохнул патрульный, – мне тоже кажется, что я молодой, а сегодня утром глянул в зеркало и не понял: что за кабан оттуда смотрит? У тещи мы ночевали, у нее ванная с окном, а у нас нет. Дома-то я в зеркале хорошо выгляжу, а у Нины Сергеевны при дневном свете прямо мрак. Седой боров.

– Вы на редкость хорошо выглядите, – утешала я полицейского, – для своих сорока лет огурчик.

– Мне тридцать два, – вздохнул гаишник.

Я смутилась, а сотрудник ДПС продолжал:

– Не тяните с обменом документов. Если срок действия прав закончится, придется вам заново экзамены сдавать. Правила дорожного движения хорошо помните?

– Не особенно, – призналась я, – ведь их часто меняют.

– Вот! – кивнул сержант. – Поэтому действуйте быстро, справки соберите, сейчас с этим строго, надо психологическое тестирование пройти.

– С ума сойти, – удивилась я.

Сотрудник ДПС махнул рукой:

– А толку? Не заметил я, чтобы идиотов на дорогах меньше стало.

– Здрассти, – пропел тихий голос.

Из-за спины гаишника появилась худенькая девушка в зеленом комбинезоне, на голове у нее был красный колпак, украшенный разноцветными лампочками.

– Мы собираем деньги для детей…

– Спасибо, – перебила я незнакомку, – уже пообщалась в магазине с другой «елкой», знаю и вопрос про ореофага, и ответ на него.

– Хорошо, что вам условия викторины известны, – обрадовалась девица, – у меня другой вопрос. Сыграем?

– Нет, – отрезала я.

– Ступай отсюда, – разозлился сержант, – вы давно тут шастаете, глаза намозолили. Сейчас елками бегаете, в сентябре были учебниками, в мае в военной форме ходили, в марте цветами нарядились. Тошнит уже от вас.

– Из-за таких, как вы, в России сироты голодают, – агрессивно заявила девица, – мы собираем деньги для самых обездоленных детей. Работаем бесплатно. Чем я вам мешаю?

– Всем, – отбрил сержант, – здесь проезжая часть, а ты не участник движения. Для пешеходов «зебра», вот по ней и разгуливай. Или по тротуарам бегай. На дорогу не суйся.

– В новогоднюю ночь где-то горько зарыдает малыш, которому не досталось кулечка конфет из-за жадного, вредного, толстого гаишника, который прогнал меня прочь! – выдала «елка» и, гордо вскинув голову, удалилась.

Сержант посмотрел ей вслед:

– Документы легко на компьютере сварганить. Мошенники они!

– Понимаю, что в основном эти люди нечисты на руку, – вздохнула я, – если хочешь помочь детям, отдай средства в солидный фонд, где вся бухгалтерия прозрачна. Но в душе живет сомнение: а вдруг они и правда для обездоленных ребят стараются? Сто рублей не пробьют брешь в моем бюджете. Вот это «а вдруг» и заставляет раскошеливаться.

– Вон она уже кого-то подцепила, – неодобрительно заметил сержант, – мужика разводит. Тут где-то их мини-вэн должен стоять, темный такой. Вы с ними никогда не играйте. Знаете, что они делают? Выискивают в толпе лохов.

Мне стало смешно.

– Таких, как я?

– Нет, – серьезно возразил сержант, – у вас лицо не жадное, поэтому они на жалость вас взяли, предложили загадочку решить, стольничек для бедных деток пожертвовать. Психологи, блин, вроде цыган. Вычисляют, кто от бабла фанатеет, и дают ему выиграть: сто, двести, тыщу, три… Глаза у лошары горят, азарт прет. И тут они предлагают: «А хотите сыграть суперигру? Там можно миллион откусить». Если идиотка соглашается, ее сажают в микроавтобус, и, прикиньте, «лимон» дура-баба получает. Во радости! Тот, кто в автобусе ее

разводит, чуть не плачет: «Я разорен. А вы можете пять миллионов отгрызть. Ставьте на кон выигрыш и еще деньги. Дома-то есть заначка?»

– Можете не продолжать, – вздохнула я, – наслышана о таких историях. Главарь мошенников владеет навыками гипноза, а игрока душит алчность. Человека везут на его квартиру, и он отдает ценности, все, какие есть: деньги, драгоценности. Но почему вы эту девчонку не задержали, если знаете, чем она занимается?

– На каком основании мне ее задерживать? – пригорюнился сержант. – Документы от фонда при ней, ничего дурного она не сделала. Серега Семенов поймал одного из этих, в обезьянник сунул. А мошенник кому-то позвонил, примчался адвокат. Такой лай поднялся! Начальнику нашему главный шеф по самые уши вломил за задержание. Отпустили паскудника с извинениями. Прикрывает их кто-то наверху. Иначе б давно с улиц турнули, с кем-то они делятся. С наступающим вас!

– И вас, – улыбнулась я, – еще раз спасибо, хорошего Нового года, исполнения всех желаний!

Патрульный двинулся к машине, но потом обернулся:

– И вам удачи! Права поменять не забудьте.

* * *

Около одиннадцати вечера неожиданно раздался звонок в дверь. Я посмотрела на домофон, увидела женщину в куртке с низко надвинутым капюшоном и слегка заволновалась.

– Вы к кому?

Незнакомка подняла голову.

– Простите, что поздно. Мне нужна Виола Тараканова.

Я узнала тещу Алексея Горюнова, которую днем видела в кафе торгового центра, очень удивилась и соврала:

– Она тут не живет, квартиру сдает, уходите, пожалуйста.

– Виола Ленинидовна, не прогоняйте, – взмолилась дама, – у меня к вам разговор. Помогите Христа ради. Не бойтесь. Я пенсионерка, ничего плохого вам не сделаю. Адрес в Интернете нашла, вы его не скрываете.

Я нажала на кнопку.

– Входите.

* * *

– Спасибо огромное, – зачастила Галина Сергеевна, стаскивая верхнюю одежду, – вы очень добрый, хороший человек, замечательный писатель, я восхищаюсь вашими книгами…

Слушая панегирик, я провела гостью в комнату, подождала, пока она сядет на диван, и спросила:

– Зачем я вам понадобилась?

– Сейчас объясню, – пообещала Петрова и завела обстоятельный рассказ про невыносимую жизнь своей дочери.

Сначала она поведала, какой ей попался никчемный зять, заставил жену родить подряд двух детей. Едва Катя ребят подрастила и вышла на работу, как Алексей приказал супруге забеременеть в третий раз, и на свет появилась Света. Екатерина мужественно справлялась с оравой детей, но муж постоянно был ею недоволен.

Гостья жаловалась и жаловалась, в конце концов я не выдержала:

– Галина Сергеевна, я не психотерапевт. Зачем вы рассказываете о личных проблемах Екатерины? Что хотите от меня?

Глава 6

Петрова порылась в сумке, достала небольшой альбомчик и показала мне фото.

– Это Алиса. Снимок сделан профессионалом. Внучка попала в финалистки конкурса, если она получит Гран-при, то поедет в Нью-Йорк.

– И вы не побоитесь отпустить девочку? – спросила я, рассматривая снимок. – Просто не верится, что это ваша старшая внучка. Передо мной девушка лет двадцати, она мало похожа на школьницу, которую я видела днем в магазине.

– Модели начинают рано, – вздохнула Галина Сергеевна, – но век их недолог, лет в двадцать пять ее турнут с подиума. Это на самом деле Алиса, просто с ней поработал профессиональный визажист, косметика творит чудеса. Мне Лиса никогда не казалась красавицей, но я не профессионал в фэшн-мире. Знаете, как год назад у нас это началось? Мы с внучкой пошли в магазин, я денег собрала, хотела ей платье купить. Нехорошо в этом признаваться, но Алиса моя любимица. Девочка надела какую-то вещь, вышла из кабинки в зал, давай передо мной туда-сюда сновать, спрашивая: «Бабушка, ну как?», и тут к нам подходит женщина. Теперь-то я знаю, что их скаутами зовут, они выискивают перспективные лица для модельного бизнеса, но тогда я понятия ни о чем не имела. Незнакомка сказала: «Не хотите девочку привести на съемку? Денег ей не заплатят, но подарят красивую одежду и игрушку». Я сначала отказалась, ехать далеко следовало, но женщина мне визитку сунула. А меня осенило: у Лисы с учебой плохо, с одноклассниками не дружит, обидчива очень. Другие ребята подуются пять минут, забудут, что поскандалили, и опять вместе играют. Лиса же затаится и будет злость копить, сначала вида не покажет, а потом попросят у нее, допустим, ластик, а она в ответ: «Год назад ты меня на перемене толкнул и дурой обозвал. Иди вон, ничего не получишь».

– С таким характером трудно обзавестись большим количеством друзей, – отметила я.

– И я о том же, – подхватила мать Кати, – непросто девочке. В школе она последняя, отдавали ее в спорт, в танцы, в самодеятельный театр… отовсюду пришлось забрать, преподаватели в один голос твердили: неперспективная, ленивая, упорства нет. Дома внучка тоже изгой. Никита гений, им постоянно восхищаются, Света маленькая, капризная, она все внимание матери на себя перетягивает. А Лиса что? Ее не замечают, не хвалят, потому что успехов нет. Я подумала, вдруг съемки самооценку девочки поднимут, она сможет в школе похвастаться, и после этого хоть одна подруга у нее появится. И отвезла внучку по указанному адресу.

Галина Сергеевна сложила руки на груди.

– Все отрицательные качества Алисы в тот день обернулись положительными. Много девочек туда явилось, из них отобрали всего пять, внучка попала в число счастливиц. Дальше удивительный поворот. Четыре участницы мигом ощутили себя звездами и стали соответствующе себя вести. Принесли им пять платьев. Одно, прямо скажем, не очень удачное, сочетание вертикальных и горизонтальных полосок, к нему туфли без каблука. Стилист попросил одну девочку надеть его, та отказалась, другая тоже… Дошла очередь до Алисы, она безропотно натянула платье. Подготовка к съемкам была долгой, девочек причесывали, макияж накладывали, четверка «звезд» раскапризничалась, Лиса же сидела тихо. Дали обед, Алиса его спокойно съела, остальные кривлялись: невкусно, гречку не едим, компот не пьем. Когда фотограф за дело принялся, Лиса покорно его указания выполняла, остальные спорили, они, оказывается, не первый раз в роли моделей выступали. Матери капризниц в процесс вмешивались: свет, мол, неверно поставили, причесали плохо, румян мало… А я-то деревня, лохушка, ничего не понимаю, поэтому молчу в тряпочку.

Галина Сергеевна тихо рассмеялась:

– Понятия не имела, как для журналов снимают, думала – заглянем на полчасика, чик-брык – и домой пошли. Куда там! Вернулись около одиннадцати вечера, совсем не простое занятие оказалось. Но не зря мучились, Алиса получилась красавицей. Девочку не обманули, туфли-платье ей подарили, мишку огромного вручили.

Бабушка протяжно вздохнула:

– Но в одном я ошиблась. Когда Алиса принесла в школу журнал со своими фото, ни дети, ни учителя ей не поверили, обозвали вруньей, заявили: «Девочка на тебя слегка похожа, но она красавица». Алиса домой в слезах примчалась. На следующий день я взяла полученные ею вещи, отправилась к классной руководительнице и устроила той головомойку. Учительница детям объяснила, что на снимках Горюнова, просто она с макияжем. Думаете, одноклассники начали восхищаться Алисой? Такая агрессия из них поперла, в особенности из девочек. Учтите, класс у нас для отстающих. С Алисой учится двадцать человек, все неуспевающие. Те, кто четверки-пятерки имеет, их всячески обзывают: дебилы, идиоты. И тут вдруг Горюнова в журнале! Лису прямо возненавидели! Даже учительницы от зависти прыщами пошли. Понимаете, как девочке плохо?

Я устала слушать Галину Сергеевну, поэтому демонстративно посмотрела на часы.

– Что вы от меня хотите?

– Виола, вы лучший писатель на свете, я вас обожаю, – вновь принялась мести хвостом бабушка, – прочитала все-все, что издано под именем Арины Виоловой. Сейчас читаю «Лапти-скороходы». Очень умный роман, конспектирую его.

Я постаралась не измениться в лице. Так, меня во второй раз за день спутали со Смоляковой.

– Впереди финал конкурса «Девочка года», – тараторила Галина Сергеевна, – сам Господь меня с вами в кафе случайно свел. Вы видели, какая чудесная Алиса, замечательная просто, помогите ей получить Гран-при. На этих соревнованиях такая коррупция. У Алисочки ни спонсора, ни покровителя нет. А ей так нужна победа! Но если главный приз ей не достанется, то нас устроит и второе-третье место.

Я не перебивала незваную гостью. В письме, которое Анюта сбросила мне на почту, есть данные о семьях всех финалисток. В досье Горюновой рассказано о ее семье. На первый взгляд все замечательно: папа, мама, бабушка, трое детей, Никита – вундеркинд. Никто из старшего поколения не пьет, не употребляет наркотики, не имеет приводов в полицию. Отличная ячейка общества, но я, случайно познакомившись с Екатериной, поняла, что Алиса завистлива и вздорна, Никита считает всех вокруг идиотами и крайне гордится собственным

умом. Светлана истерична, патологически капризна, Алексей, похоже, совсем не любит жену и детей, терпеть не может тещу, Катя же находится в глубокой депрессии, у нее в душе такое количество обид на жизнь, что она готова вылить их на голову любому, кто проявит к ней хоть каплю внимания и сочувствия. Я сказала ей простую фразу, что-то вроде: «Не расстраивайтесь, все будет хорошо», и получила в ответ подробный отчет о ее жизни. Не все ладно в Датском королевстве. Собирая информацию о конкурсантках, сотрудники журнала «Красавица» на самом деле ничего о семьях девочек не узнали, они просто выяснили анкетные данные. Вполне вероятно, что за закрытыми дверями квартиры Марины Григорьевой, основной претендентки на Гран-при, происходят ужасные вещи. Вероятно, ее родители вовсе не белые ангелы, возможно, самая лучшая семья у Софьи Яковлевой, дочки матери-одиночки.

– Христа ради, подсобите Алисе, – пела Галина Сергеевна, – проявите милосердие по отношению к девочке. Марина Григорьева в вуз попадет, она на золотую медаль нацелилась, Софью Яковлеву отец поддержит. Знаете, кто у нее папочка? В анкете у девочки прочерк. Да мне случайно узнать довелось. Мать Сони давно состоит в любовной связи со своим боссом Иннокентием Крошкиным, хозяином сети бензоколонок. У него законная жена есть, да мадам Яковлеву наличие штампа в паспорте мужика не смутило. Соня неуклюжая, ей прыщи пятью слоями тонального крема замазывают. На конкурсе были намного более красивые девочки, по какой причине нескладная Яковлева попала в тройку претенденток?

– В финале десять участниц, – напомнила я.

Галина Сергеевна постучала ладонью по ручке кресла.

– Разве вам не объяснили, что основная борьба развернется между Мариной и Софьей? Отец последней щедро платит за свою девочку, вот она и появилась в финальной группе. Я уверена, что второго числа всем членам жюри от бензоколонщика подарки принесут.

Галина Сергеевна протянула ко мне руки:

– Виола! Хотите, я на колени встану? Марина со своей золотой медалью далеко пойдет. Софью отец-богатей в зубах по жизни пронесет. А у моей бесталанной, необеспеченной внучки победа в финале – единственный шанс. Умоляю!

Сделайте Лису первой! Хорошо, если главной победительницей ей не быть, то хоть дайте призовое место! Второе! Молиться за вас буду!

Я встала.

– Уважаемая Галина Сергеевна! Я прослежу, чтобы жюри судило честно. Дальнейшее зависит только от Алисы. Простите, время позднее, завтра Новый год, хочется сегодня пораньше спать лечь.

Петрова спохватилась:

– Уметаюсь. Виола, дорогая, в конкурсах красоты всегда побеждают либо большие деньги, либо связи, либо… путь на экран лежит через диван. Марина Григорьева, например, прекрасно сию истину усвоила.

– Перестаньте нести чушь, – рассердилась я, – девочке всего четырнадцать! О каких диванах может идти речь? До свидания.

Мать Кати, тяжело вздыхая на каждом шагу, вышла за порог и зло сказала:

– Во-первых, Григорьевой пятнадцать по паспорту, а на вид все двадцать. И мне известно, почему ее отец повышение по службе получил. Очень уж его доченька одному человеку в просторном кабинете нравится.

Я захлопнула за ней дверь и, испытывая гадливое чувство, пошла мыть руки. Не надо было соглашаться сидеть в жюри.

Глава 7

Второго января около часа дня Анюта Королева привела меня в просторную комнату с тремя туалетными столиками и радостно объявила:

– Девочки и мамочки! Это писательница Арина Виолова, самый популярный автор детективных романов. Вы, конечно, ее сегодня уже видели, когда

получали оценки за первое соревнование. А теперь имеете счастье познакомиться со звездой поближе.

– Здрассти, – нестройно произнесли присутствовавшие.

– И еще одно чудесное известие, – суетилась Анюта. – Татьяна Григорьева, Вера Яковлева, Галина Сергеевна Петрова, наложите макияж, поправьте прически. Вас вместе с девочками будет снимать пресса на фоне нашего баннера.

Одна из женщин сразу схватилась за пудреницу. Галина тоже взглянула в зеркало и начала взбивать волосы.

– Ма, ты чего сидишь? – возмутилась одна из девочек, которую я, если б не знала, что она школьница, легко могла бы принять за студентку. – Давай, очнись и накрасься.

– И так сойдет, отстань, Марина, – отмахнулась мать.

– Сойдет? – разозлилась дочь. – Ты на мымру похожа, испортишь снимок. Выглядишь отстойно, наложи тональный крем. Посмотри, какая у тети Веры чудесная помада, цвет сезона «Малиновые губки». Купи себе такую.

– Денег нет, – протянула мать.

Марина без спроса схватила тюбик.

– Мама, она копеечная, фирмы «Сюзанна», не «Шанель» и не «Ланком». Но никто не поймет, сколько она стоит, если намажешься.

– У меня лихорадка выступила, – вяло засопротивлялась Татьяна, – от помады ее по всему лицу разнесет. Я сегодня даже не пудрилась, косметичку дома оставила.

Другая женщина, как я поняла, Вера Яковлева, вспыхнула и сердито сказала:

– Марина, не смей брать чужое без спроса. Не твое дело, сколько моя косметика стоит. И если у кого-то герпес, то надо дома сидеть, а не в общественные места

ходить, чтобы других заражать.

Анюта захлопала в ладоши:

– Так, так! Не стоит ссориться.

– Вы сапог где-то поцарапали, – неожиданно сказала Галина Сергеевна, – жалко как! Очень красивая обувь.

Анюта наклонилась, чтобы посмотреть на царапину, потом резко выпрямилась, расстегнутый воротничок ее блузки съехал набок, и я увидела на шее Королевой довольно большое родимое пятно в форме отпечатка кошачьей лапы. Анюта поймала мой взгляд и быстро вернула воротник на место. Но невус закрыть ей полностью не удалось. Странно, что я, беседовавшая сегодня с Анютой, не заметила ранее пятно.

– Я выходила из машины и напоролась на кусок льда, – вздохнула Королева, – исцарапала нос у «казаков».

– Не повезло, – посочувствовала я, – очень красивые сапоги, сама хотела купить такие, но в магазине был только тридцать пятый размер. Продавщица сказала, что другие в Москву не завезли.

– У кого такая маленькая нога? – удивилась Татьяна.

– У меня, – улыбнулась Анюта.

– Вы прямо Золушка-красавица, – не упустила возможности подлизаться к помощнице владелицы холдинга Галина Сергеевна.

– Пить охота, – сказала симпатичная девочка, сидевшая в кресле.

– Вам воду не принесли? – встрепенулась Анюта. – Сонечка, у тебя нет бутылки?

– Вон она стоит, – ответила девочка, встала, взяла со столика емкость, ловко открыла ее и… уронила на пол прямо к ногам Марины.

– Блин! – закричала Татьяна. – Ты испортила Маришке дорогие туфли! Капли попали на замшу, останутся некрасивые следы. Косорукая коза!

– Не смей оскорблять мою дочь! – тут же возмутилась мать Сони.

– Остановитесь! – велела Королева. – Таня, не устраивайте истерик. Где замша? У Марины кожаные шпильки, с ними ничего от воды не случится, и, между прочим, на них ни капельки не попало. Понимаю, у всех нервы натянуты, но давайте держать себя в руках. Не позорьтесь перед писательницей. Ох! Совсем из головы вылетело! Один из спонсоров нашего конкурса, фирма «Доли», прислала всем, кто будет участвовать в полуфинале и финале, подарки. Вот.

Королева открыла большой пакет, который, войдя в гримерку, поставила у стены, достала оттуда коробочки, перевязанные ленточками, и подала девочкам.

– Кольцо! – взвизгнула Марина, открывая презент. – Вау! Шикарное! Можно в нем на сцену?

– Ну, конечно, дорогая, – улыбнулась Анюта, – поэтому бижутерию и подарили, чтобы вы ее надели.

– Браслет! – пришла в восторг Соня. – О! О! О!

– У меня самое крутое, – объявила Алиса и вытянула вперед руку. – Наладошка!

Я не сразу поняла, о чем говорит Горюнова, но она начала вертеть кистью, и я увидела на ней странное украшение. Оно напоминало браслет, но надевалось не на запястье, а на основание пальцев. С тыльной стороны кисти шла плоская ярко-желтая пластинка, а со стороны ладони ее украшали разноцветные цветочки из эмали, их было видно только тогда, когда Алиса разжимала пальцы. На мой взгляд, более дурацкий и неудобный аксессуар придумать трудно. Но в глазах Марины и Сони зажглась откровенная зависть.

– Почему Алиске самое лучшее досталось? – с обидой воскликнула дочь Григорьевой.

– Ей наладошку, а нам фуфлятину, – надулась Соня, – это нечестно.

Анюта сдвинула брови:

– Ну хватит. Кому что досталось, то и хорошо. За подарки надо сказать «спасибо».

– Спасибо, – уныло повторили недовольные девицы, потом Соня язвительно добавила: – Большое спасибо.

Королева решила не обращать внимания на реакцию девушек и затараторила:

– Дорогая Виола, следующий конкурс – выход в незнакомом платье. Все честно, никаких подвохов нет. Девочкам завяжут глаза, они вытащат из коробки номер наряда и узнают, что…

– А почему тогда на самом красивом голубом платье висит бирка «Яковлева»? – перебила ее Татьяна. – Откуда известно, что Софья в нем пойдет?

Глаза Королевой расширились.

– Кто вам сказал про табличку?

– Я пошла искать, где наряды спрятаны, – не постеснялась признаться мать Григорьевой, – нашла их в одном кабинете, его не заперли. И… бирку увидела.

Королева моргнула:

– Госпожа Григорьева, ваше поведение недопустимо. За такие штучки-дрючки Марину могут снять с конкурса.

– При чем тут я? Не отвечаю за действия матери. Сижу здесь, нигде не шастаю, – возмутилась дочь.

– Обе хороши, – сказала Яковлева.

– Ой, а вы, Вера, прямо белый лебедь, – скорчила гримасу Татьяна, – у вашей Сони волосы наращенные, это запрещено.

– Вранье! – закричала девочка в розовом халате и потрясла головой. – Все у меня свое.

– Как же, – не утихала Таня, – я только платье поглядеть хотела, и моя Маринка вся натуральная. А с остальными участницами беда. Анюта! Разве можно с шиньонами выступать?

– Нет, – незамедлительно ответила Королева, – надеюсь, никто из финалисток такой глупости не совершил, за это сразу удаляем с соревнований.

– Софью выгонят? – обрадовалась Галина Сергеевна, сидевшая у туалетного столика.

– Да, – уже не с прежней убежденностью подтвердила Королева.

– Мама! – испугалась Соня. – Что они несут?

– Это из зависти, – прошипела Вера, – у тебя свои роскошные локоны, а вот у доченьки Татьяны силиконовые сиськи и в губах гель.

– Враки, – взвилась Марина.

– Хочешь сказать, что у тебя четвертый размер сам вырос, – засмеялась Соня.

– Если кое у кого вместо груди грецкий орех, то это не значит, что у других так же, – топнула ногой Марина и показала пальцем на Алису, – вот у нее вообще пустыня.

– У меня второй размер, – надулась Лиса.

– В мечтах, – заржала Соня, распустила волосы, потрясла ими и предложила: – Анюта, посмотрите, где капсулы, которыми пряди крепятся?

Королева начала изучать ее прическу.

– Их нет.

– Ага! – торжествующе воскликнула Вера. – Пусть Танька извинится, а ее Маринка нам сиськи покажет. Сразу видно, у нее резиновые клизмы.

– Обе вы прелестны, – язвительно заметила Галина Сергеевна, – три волосины Софье от природы достались, тут даже спорить не о чем, у девочки на макушке проплешина. Но ресницы у нее не свои. Вживленные.

– Я не лысая, – со слезами на глазах парировала Соня. – А вот ваша Алиска дура, уржаться можно над ее умом.

– И она жирная была, вы ей «Анталазин» даете, чтобы похудела, – кинулась в атаку Татьяна. – Анюта, можно лекарства употреблять, чтобы жир растрясти?

– Упаси бог, – испугалась Королева, – этот препарат давно запрещен к применению, он расшатывает нервную систему, гробит почки, печень, желудок, превращает девушку в развалину, истеричку, скандалистку. В особенности эта гадость опасна для подростков. И прекратите спорить. Татьяна, вы были в помещении костюмера Антонины, там висят платья для финального выхода, а не для второго тура. Конечно, они подготовлены адресно. Если бы вы порылись в вешалках, увидели бы другие вещи с бирками «Марина» и «Алиса». Секретные наряды заперты в кабинете самой Аллы Константиновны.

Но Татьяна не потеряла боевого задора, она бесцеремонно показала пальцем на старшую Горюнову.

– Говорите, «Анталазин» под запретом? А Галина Сергеевна им Алиску потчует. Ее внучка имела лишний вес. Когда нас с первого тура на второй пропустили, Алисе при всех Миронова сказала: «Не потеряешь семь кило, не будет шансов даже в тридцатку войти». И что? Горюнова прямо таять начала, за неделю в тростинку превратилась. Можно исхудать нормальным путем за семь дней? Да никогда. Без «Анталазина» тут не обошлось.

– Брехня! – побагровела Галина Сергеевна. – Внучка села на жесткую безуглеводную диету.

– Расскажите, цветы золотые! – засмеялась Таня. – Не смешите народ.

– Девочка по утрам и вечерам бегает, – продолжала Галина, – по два часа. Ничего не ест, ограничивает жидкость. И вот результат.

– С трудом верится, – подхватила Вера. – Сонечке требовалось всего-то кило потерять, она никогда такой сарделькой, как внучка Горюновой, не была…

– Сами вы колбаса в синюге, – вскочила Алиса, – я честно худела.

– …И мы вес шесть суток сгоняли, – договорила Вера.

– У Алисы все симптомы применения «Анталазина», – заявила Татьяна, – слезливость, обидчивость, истеричность, есть она целый день не хочет, зато в туалете по часу сидит.

– Точно, – пропищала Соня. – Чего на унитазе сидеть, если голодаешь?

Из глаз Алисы хлынули слезы.

– Лиса, – кинулась к ней бабушка, – не слушай злобных тварей, они специально тебя перед выходом доводят, чтобы главную конкурентку разволновать.

Две матери и обе дочки расхохотались.

– Она нам не ровня, – снисходительно заметила Марина, – за первое-второе место мы с Софьей сражаться будем. А третье под вопросом. С чего вы взяли, что оно Алискино? Десять человек за призовые места борются. Горюновой ваще ничего не светит.

Алиса зарыдала.

– Вот-вот, – обрадовалась Татьяна, – все анталазинщики по любому поводу сопли льют.

– Конечно, – согласилась Вера.

– Кто-нибудь видел, как Алиса глотала таблетки? – взвизгнула Галина.

– А ну прекратите базар, – вышла из себя Анюта, – как вам не стыдно! Хоть бы председателя жюри постеснялись!

Вера взглянула на меня:

– Судите честно! Моя Соня натуральная. А Алиска лекарства жрет.

Татьяна скривилась:

– Бабка ей «Анталазин» каждый день дает.

– Вы видели? – заорала Галина. – Наблюдали, как я внучке таблетки скармливаю? За клевету я могу в суд подать. Заплатите Лисе миллионы. Нынче не так, как раньше, теперь за свои слова отвечать надо.

– У вас не пилюли, – заявила Таня, – а раствор. Вон баклажка стоит, темненькая.

– Точно, – ахнула Вера, – Алиска из нее в раздевалке прихлебывает. И как я раньше не догадалась? Соня один раз взяла ее в руки, а бабка как заорет: «Не трогай, не твое!»

Галина Сергеевна отодвинула фляжку подальше.

– Постыдились бы глупостями плеваться. Там витаминный настой: шиповник, клюква, облепиха, лимон. Я утром готовлю его, наливаю свеженький во флягу, иду к метро, мы там с Алисой встречаемся в вестибюле. Как увижу ее, сразу приказываю глотнуть чаек. Алиса им тонизируется, и он хорошо влияет на цвет лица.

– Чего тогда так пугаться, что Сонечка к бадейке прикоснулась? – уколола Петрову мать Яковлевой.

– Неизвестно, чем твоя дочка больна, – огрызнулась Галина, – с герпесной мамашей в одной квартире живет. Я тут намедни в «Желтухе» прочитала, что Иннокентий Крошкин опоясывающий лишай подцепил, это герпес такой. Может, он и у Сони есть?

– Мама, что она несет? – не поняла «тонкого» намека младшая Яковлева. – При чем тут твой начальник?

– Давай объясни ей, – ухмыльнулась Галина. – Чего молчишь? Думаешь, тебе одной можно людям гадости говорить? Если живешь в стеклянном доме, нечего булыжниками в прохожих швырять. Не хочу я, чтобы Алиса заразилась невесть чем от невесть кого.

– Нет, там раствор «Анталазина», – подала голос Татьяна, – поэтому вы и отпихнули Соню от баклажки. Я уверена.

– Неправда! – выкрикнула Петрова.

– Правда, – вякнула успевшая прийти в себя Вера.

– Нет, – заспорила Галина.

– Да, – топнула ногой Татьяна.

– Замолчите, – велела Анюта.

– Рот нам не заткнете, – заявила Таня. – Требуем сделать Алисе анализ крови! Бойкотируем ваш конкурс, если лаборатория не приедет.

Королева растерялась и забубнила:

– Дорогие, успокойтесь.

– Богом клянусь, – закрестилась Галина, – я воцерковленный человек, врать не стану.

– Три ха-ха! – засмеялась Таня.

– Анекдот, – в тон ей добавила Вера.

– Докажите, что в питье ничего нет, – потребовала Таня.

– Как? – спросила Петрова.

Татьяна показала на фляжку.

– По нашему мнению, здесь раствор «Анталазина».

– Да, поэтому Алиска его по крохотному глоточку отпивает, – заявила Вера.

– Во фляге примерно четыреста миллилитров, – сказала Татьяна. – Что случится, если все разом опрокинуть?

– Блевать начнешь, – хмыкнула Вера, – незамедлительно, потом в туалет побежишь.

– Вот, вот, – радостно подхватила Татьяна, – и я о том же! Всем известно, что дневную норму «Анталазина» за один мах принимать нельзя, тебе сразу подурнеет и понос прошибет. Его надо по чуть-чуть глотать, чем Алиса и занимается. Галина Сергеевна, если, как вы уверяете, во фляге полезный чай, то прямо на наших глазах опустошите-ка ее всю до донышка. Четыреста миллилитров – это полторы кружки, в вас влезет. Увидим, как вы отреагируете. Если вас не начнет наизнанку выворачивать, я первая за свои слова извинюсь. Ну? Вперед, бабуля!

Петрова растерянно смотрела на мать Марины, а та ехидно заулыбалась.

– Да, Вера, правы мы с тобой! Не желает старуха себя травить. Для внучки «Анталазин» бережет.

– Смотрите! – заорала Галина Сергеевна, отвинтила пробку и начала пить.

– Во дает! – восхитилась Таня. – Чтоб на вранье не попасться, здоровьем рискнуть готова.

– Может, там правда шиповник и прочее? – дала задний ход Вера.

Галина Сергеевна выдохнула:

– Ну? Почему меня не тошнит? Пустая фляжечка. Да потому…

Петрова замерла, сделала судорожный вдох, пошатнулась и рухнула на пол.

– Мы правы! – завопила Вера. – «Анталазин»!

– Бабушка! – кинулась к Галине Сергеевне Алиса. – Что с тобой?

– Отлично! – ликовала Яковлева. – Девчонку снимут с конкурса.

Алиса заплакала.

– Да заткнетесь вы или нет, – вышла из себя Анюта. – Лиса, прекрати сопли лить. Никто тебя не выгонит. А вы, мамаши… слов прямо нет. Какой пример своим детям подаете! Устроили базар-вокзал.

Я наклонилась над упавшей Петровой:

– Галина Сергеевна, вам плохо?

– Что с ней? – испугалась Татьяна. – Почему она не встает?

Я выпрямилась:

– Похоже, у Горюновой сердечный приступ. Анюта, уведите всех в другое помещение, а сами вернитесь.

– Мы не хотели, – забормотала Татьяна, – не всерьез лаялись, так на конкурсах принято. Типа как на турнирах по боксу, когда перед началом боя спортсмены друг друга матерят.

– Идите отсюда, – скомандовала Анюта, – живо! Сидите в холле. Софья, Марина, Алиса! Сейчас конкурс начнется. Хотите его пропустить?

– Честное слово, мы не задумывали ничего плохого, – оправдывалась Таня, не двигаясь с места.

Королева схватила ее за плечо, вытолкнула в коридор, вслед за Татьяной из комнаты удалились все остальные, включая Алису. Похоже, внучка больше беспокоилась о финале соревнований, чем о состоянии бабушки. Девочка не стала просить разрешить остаться около нее.

– Надо вызвать «Скорую», – перевела дух Анюта.

– Полицию, – поправила я, – и нужно немедленно предупредить Аллу Константиновну.

– Зачем? – удивилась Королева.

– Галина Сергеевна умерла, – сказала я.

Анюта отшатнулась:

– О! Нет! Алла Константиновна придет в ярость. В зале полно гостей: скауты-иностранцы, пресса. Хозяйка меня на лапшу нарежет. Нельзя сюда звать полицию.

– Предлагаете оставить тело тут на целый день, пока в зале будет идти действо? – уточнила я.

– Нет, – прошептала Анюта, – то есть да! Ужасно, что Галина Сергеевна умерла. Но Алла Константиновна рассвирепеет, конкурс ежегодный, это же скандал! Нет, нет! Полицейских сюда не надо. Они мигом желтой прессе настучат. Виола, дорогая, я кажусь вам дрянью?

Я предпочла не отвечать на этот вопрос.

– Нельзя полицию, нельзя! Невозможно! Что делать? Как быть? Помогите мне, умоляю! – заплакала Анюта. – Меня уволят! Миронова такая… ей надо всегда виновного найти! Знаете, сколько я пыталась в холдинг на работу попасть? Столько усилий приложила, мне никто не помогал, ни отца, ни матери, ни мужа у меня нет, сама из дерьма выплывала. Господи! За что мне это! Алла Константиновна предыдущую помощницу за ерунду турнула, а сейчас такое! Я окажусь на улице…

Анюта замерла, потом рухнула передо мной на колени:

– Виола! Дорогая! Любимая! У вас же наверняка есть знакомые в полиции! Попросите их приехать, по-тихому тело увезти. Я скажу Алле: «Случилась беда, но я способна с любым форс-мажором справиться, мне все по плечу. Организовала тайный вывоз тела. Никто ничего не узнал». И тогда меня не выгонят. Виола! Родненькая! Спасите! Умоляю! Я вам еще пригожусь.

Королева обняла меня за колени и стала целовать мои джинсы. Я смутилась, попыталась поднять Аню, но та намертво вцепилась в мои ноги и твердила как безумная:

– Помогите, помогите, помогите.

Я поняла, что истерику можно остановить только одним способом, и встряхнула Королеву:

– Вы не даете мне возможности достать телефон.

Анюта перестала рыдать.

– Поможете, да?

Я вытащила из кармана трубку, набрала номер Платонова, поговорила с Андреем и сказала Королевой:

– Мой близкий друг сейчас не в Москве, я не знала, что он улетел в командировку, но такая уж у него работа, могут отправить в любой момент на другой конец страны.

Анюта прижала руки к груди, ее глаза снова наполнились слезами.

– Но Платонов отправит к нам своих подчиненных во главе с Владимиром Савченко, – быстро договорила я, – он организует вывоз тела так, что никто из посторонних этого не заметит.

Глава 8

– Что там за шум? – спросил Владимир, входя в просторный холл.

Я не успела ответить, в комнату ввалилась группа людей. Несколько девушек, одетых в вечерние платья, рыдали в голос, остальные были веселы, как юные птички.

– Нас осталось всего шестеро, – радостно воскликнула одна из них, наряженная в нечто невообразимо блестящее, – остальных слили!

– Ага, – не очень весело откликнулась другая, в голубом парчовом костюме, – у Григорьевой и Горюновой по триста пятьдесят баллов, у Яковлевой триста сорок, у меня двести девяносто, а у тебя вообще на десятку меньше.

– И что? – не смутилась «блестящая». – Впереди последний тур, я всех сделаю!

Продолжая беседу, девочки сели на диван, и тут появилась стройная дама в элегантном костюме от «Шанель», она воскликнула:

– Дорогие мои! В программе дня небольшое изменение. В связи с тем, что к конкурсу проявили интерес иностранные телекомпании, к нам едут каналы «Фэшн Европа» и «Фэшн Америка». Оцениваете перспективы?

– Меня зарубили в финале, – захныкала большеглазая блондинка. – Мне по барабану, кто сюда прикатит. Хоть президент земного шара. Для меня уже ничего не изменится.

– Не надо отчаиваться, Саша, – менторски произнесла дама.

– Хорошо вам, Алла Константиновна, так говорить, – сказала одна из мам, – а нас зарубили.

Владелица холдинга села около Саши и обняла ее.

– Надо учиться принимать удары судьбы и извлекать уроки из неудач. Никогда нельзя складывать лапки. Помни, поражение вмиг может стать победой. Проиграть одну битву не значит проиграть всю войну. Про нападение Наполеона на Россию в тысяча восемьсот двенадцатом году знаешь? Вы в школе эту тему проходили?

Саша кивнула.

– Кутузов сдал Москву, но вскоре русские солдаты поставили свои палатки в Париже на Елисейских Полях, – продолжала Миронова, – вытри слезы и успокойся. У вас будет финальный выход, все пройдут по сцене, и победительницы, и те, кто им уступил.

– Ага, – обиженно протянула девочка, – одна в короне, а остальные, как дуры.

– Да, сегодня тебе королевой не стать, – жестко сказала Алла, – но финал будут снимать фэшн-каналы, а в зале сидят скауты. Если ты появишься на сцене с кривой спиной, побредешь кое-как, никто из охотников за перспективными девушками-моделями на тебя не взглянет. А вот если прошагаешь триумфально, хорошо подашь себя, тогда кое-кто может и контракт предложить. Скаутам все равно, сколько и каких корон на голове, они оценивают тебя по своим меркам. Ты воспринимаешь финал как праздник победительницы, она вкусное жаркое. Остальные гарнир, картофельное пюре. Измени свое мнение, смотри на последний выход иначе, думай: как хорошо, что судьба подарила мне шанс пройтись сейчас перед камерами и скаутами. У тех, кого отсеяли в первых турах, его нет, я счастливица, меня заметят.

Саша схватила владелицу журнала «Красавица» за плечо:

– Мой козырь ноги! Они лучше, чем у всех. Можно надеть на финальный выход короткое красное платье? Оно меня в самом выигрышном свете представит.

Алла встала.

– На завершающем общем дефиле каждая из вас имеет право выбрать наряд по своему вкусу. Сейчас часовой перерыв, потом последний рывок. Шестерым финалисткам готовиться предстать перед жюри, остальным не унывать, всем помнить про телевидение, скаутов и про шанс получить билет на лучшие подиумы мира. Обед в столовой. Поскольку сегодня последний день нашего марафона, родителей тоже кормим. После завершения финала состоится банкет, и вот тогда я разрешаю девочкам съесть по куску торта. По одному!

– Ура, – закричали участницы, а мамы зааплодировали.

Алла Константиновна махнула рукой:

– Потом ликование устроим, а сейчас займитесь делом.

Участниц конкурса и родительниц словно ветром унесло.

– Вы настоящий психолог, – сказала я, когда хозяйка «Красавицы» подошла к нам с Савченко.

Алла дернула плечами:

– Не первый конкурс устраиваем, и всякий раз одно и то же. Вот не знаю, стоит ли разрешать мамам находиться около девочек. С одной стороны, они нервничают, а родительницы у них вместо менеджеров, они по идее должны бы успокоить дочерей. Но! Чаще всего матери ведут себя хуже детей. Правда, пару раз с конкурсантками приезжали папаши, и это вообще караул. Поэтому отцам вход закрыт. А мамы сегодня, как обычно, довели всех организаторов до трясучки. М-да. Простите, что выплеснула наболевшее.

Алла Константиновна окинула взглядом стоящего молча Владимира:

– Добрый день, вы, наверное, муж Виолы?

– К сожалению, нет, – ответил Савченко, – счел бы за честь, если б на меня обратила внимание такая умная, красивая и талантливая женщина, как госпожа Тараканова. Я приехал на труп.

– Куда? – попятилась Миронова.

Полицейский вынул удостоверение.

– Чей труп? Какой труп? Почему труп? – растерянно забубнила владелица холдинга, разглядывая документ. – Вы не из районного отделения.

Я уставилась на Анюту, которая маячила за спиной начальницы. Ну и ну! Помощница еще не доложила Мироновой о произошедшем?!

В ту же секунду Королева, захлебываясь словами, начала рассказывать, как она, для которой нет невозможного, организовала приезд суперпрофи, которые тайно увезут тело в морг и никто из посторонних о форс-мажоре не узнает.

– Потом расскажешь, какая ты умелая, – процедила сквозь зубы Миронова. – Объясни, что случилось? Отчего я не в курсе?

Королева опять затараторила, Алла молча выслушала ее и обратилась ко мне:

– Уважаемая Виола, несмотря на сказанное Анютой, я понимаю, что вы, использовав свои связи, пришли нам на помощь. Не могу найти слов, чтобы выразить вам свою беспредельную благодарность.

Потом Миронова повернулась к Королевой:

– Пока слух о неприятности не распространился, немедленно предупреди Григорьевых и Яковлевых: если они намекнут хоть кому-то на происшествие, не видать им призовых мест. И Алисе то же самое объясни. Я велю продлить перерыв до трех часов, прикажу, чтобы все ушли в столовую, а потом в комнаты отдыха, последние находятся в противоположном от гримерок крыле. Объясни

задержку ожиданием представителей телевидения. Вы же здесь не один?

Последний вопрос относился к Савченко.

– Со мной несколько человек, – подтвердил Владимир. – В связи с деликатностью ситуации постараемся работать оперативно. А сейчас нам надо осмотреть место происшествия.

Анюта вынула из кармана ключ.

– Пожалуйста, пару часов в этом коридоре никого не будет, вход в него я блокирую, и с улицы никто войти не сможет, у двери дежурит охранник Павел. Он очень преданный человек, его дочь Людмила наша сотрудница. Я уже сказала Григорьевым, Яковлевым и Алисе, как надо себя вести. Алла Константиновна, вы только подумаете о чем-то, а я уже это сделала, и на отлично!

* * *

Когда тело Галины Сергеевны тайком вынесли из здания, приехавшая вместе с Владимиром хорошо мне знакомая эксперт Лена вдруг спросила:

– Вилка, ты же тут была, когда все произошло?

Я кивнула.

– И кто еще здесь присутствовал? – нахмурилась Елена.

– Татьяна и Марина Григорьевы, Софья и Вера Яковлевы, – перечислила я, – Алиса, Галина Сергеевна, Анюта Королева и твоя покорная слуга.

Лена сунула мне план комнаты.

– Поставь крестики, где кто находился. Покойная опустошила фляжку и упала? Сразу?

– Ну, может, через полминуты, – пробормотала я, – она успела сказать пару фраз вроде: «Ну, почему меня не тошнит…» и все.

– Из какой баклажки она пила? – продолжила задавать вопросы Лена.

– Она одна здесь такая, вон та, у зеркала, – пояснила я.

– И что в ней содержалось? – не отставала эксперт.

– Галина уверяла всех, что витаминный настой из шиповника, клюквы и чего-то еще. А обе матери обвиняли бабку, что она поит внучку лекарством для быстрого снижения веса. «Антрацитин» вроде, – пояснила я.

– «Анталазин», – поправила Лена.

– Точно! – кивнула я.

Елена взяла открытую баклажку и понюхала.

– Не могу точно назвать причину смерти. В принципе у пожилой женщины от стресса, вызванного участием внучки в конкурсе, мог случиться инфаркт, или тромб оторвался, или у нее была аневризма. Петрова взяла фляжку, выпила, и бумс! Подробности смогу сообщить только после вскрытия. Время смерти известно точно, бедолага скончалась у тебя на глазах.

– Но у тебя же есть свое мнение по поводу произошедшего? – спросил Савченко.

– Без протокола, – отрезала Лена, – исключительно, как бла-бла. Думаю, ее отравили.

– И что навело тебя на эту мысль? – тут же поинтересовалась я.

Елена подняла бровь:

– Гримаса на лице трупа, кое-какие другие признаки, но главное, фляжка!

– А с ней что? – не понял Савченко.

Лена повертела в руках емкость:

– Она идеально чистая. Баклажку вымыли, судя по аромату, использовали гель с запахом лаванды. Терпеть такой не могу, но многим он нравится.

– Туалет находится рядом с этой гримеркой, – воскликнула я, – если не ошибаюсь, там, в диспенсере, лавандовое жидкое мыло, я хорошо это запомнила, тоже не в восторге от запаха, поэтому пришлось ополаскивать руки просто водой.

– Так, – протянул Владимир.

– Но в комнату никто не мог войти, – продолжала я, – от раздевалки есть один ключ, у Королевой. Когда присутствующие при несчастье девочки и женщины ушли, Анюта тщательно заперла дверь. Ключ она унесла с собой, сказав при этом: «Сюда никто войти не сможет. Яковлевых, Григорьевых и Алису устроят в другом месте, надо только отнести туда их вещи». Я сказала: «Нет. В комнате надо оставить все так, как было в момент кончины Петровой».

– Молодец, – похвалил меня Володя, – правильно.

Я приободрилась:

– Через некоторое время я села за стол в жюри, конкурс шел своим чередом, а когда ты сбросил сообщение: «Приедем через пятнадцать минут», я переслала его Анюте. Ни один человек не проникал в гримерку, где лежал труп. Девочки находились на сцене, их мамаши сидели в зале. Окон в гримерке нет. Как можно туда попасть?

– Странный вопрос, – усмехнулся Володя, – отмычки придумали в незапамятные времена. Егор, ну-ка позови наших красавиц и их шебутных мамашек в холл.

Опер, приехавший с Савченко, молча вышел.

Глава 9

– Уважаемые, у кого из вас есть ключ от гримерной? – сурово спросил Владимир, когда женщины и девочки очутились в холле.

– Нам его не давали, – ответила Татьяна.

– Да, да, да, – подтвердила Вера.

– Спрошу иначе, – продолжал Савченко. – Кто из вас вымыл в туалете фляжку Галины Сергеевны?

– Зачем мне это? – удивилась Вера.

– Галина выпила настой и упала, – поежилась Татьяна, – я сразу ушла. Мыть баклажку? Жуть! Никогда!

Савченко повернулся к Алисе.

– Я убежала вместе со всеми, – пролепетала девочка, – и у меня обычный лак на ногтях, не гель, он от мытья посуды облупиться может.

– Егор, принеси сумки, – приказал Савченко, – которые они с собой забрали.

– Мы все в гримерке оставили, – возразила Таня.

– Хорошо. Тогда выворачивайте карманы, – приказал Савченко.

– Что?! – возмутилась Григорьева. – С какой стати?

– Не имеете права обыск производить, – покраснела Вера.

– Ладно, – согласился Савченко, – тогда я задержу вас, а перед тем как человека посадить в КПЗ, его всегда тщательно досматривают.

– Это произвол, – взвилась Яковлева, – я напишу жалобу.

– Пожалуйста, – пожал плечами Володя, – но сейчас вы и девочки поедете в отдел.

– У нас финальная часть конкурса, – возмутилась Марина, – мне корону дадут!

– Почему тебе? – разозлилась Соня. – Гран-при мой!

Савченко встал:

– Награда достанется другим, вы задержаны для выяснения личности. Паспорта у вас с собой?

– Нет, – хором ответили матери.

– У меня есть права, – быстро добавила Яковлева.

– Не пойдет, – отрезал Владимир, – основной документ гражданина паспорт, советую всегда иметь его при себе.

– Мой в сумке у бабушки, – сказала Алиса, – карманов в платье нет. Если надо, все вещи свои вам отдам, проверяйте.

– Хорошо, – мягко произнес Владимир, – Горюнова остается здесь, она выйдет на сцену и, похоже, в отсутствие своих соперниц получит Гран-при.

– Мама! – закричала Соня. – Немедленно покажи ему, что у тебя в карманах.

– Доченька, полицейский не имеет права на обыск, – завела Вера, – я не собираюсь подчиняться глупому приказу.

– Участниц конкурса просят пройти в их раздевалки, – просипело радио, – через полчаса финал.

Марина вскочила и ринулась к двери. Егор преградил девочке путь.

– Сядьте.

– Нас зовут, – занервничала девушка, – мне надо одеться, поправить грим, прическу, тридцать минут еле-еле хватит. Опоздавшие не допускаются на конкурс.

– Отсюда никто, кроме Алисы, не выйдет, пока я не увижу, что имеют при себе Татьяна и Вера, – отрубил Савченко.

– Ваше поведение возмутительно! – закричала старшая Яковлева. – Думаете, что управы на вас нет? Ошибаетесь! Сейчас позвоню, и сюда приедет лучший московский адвокат.

– Отлично, – согласился Владимир, – думаю, часа за три он по пробкам доберется. Егор, отведи Яковлевых в свободную раздевалку и запри их там, они будут ждать своего юриста.

– Мама! – завопила Соня. – Ты о…… а! Я потеряю Гран-при! Немедленно сделай, что этот… хочет!

– Доченька, нельзя позволять себя унижать, – засопротивлялась Вера.

Софья одним прыжком очутилась около матери и прежде, чем та успела ойкнуть, вывернула карманы ее жакета. На пол спланировал маленький ключ.

– Опаньки! – вскинул брови Володя. – Лена, проверь.

Эксперт подобрала ключ и ушла.

– Нам можно уйти? – обрадовалась Марина. – Вы знали, что есть еще один ключ, поэтому грубили нам? Нашли то, что хотели? Я побежала одеваться.

– Мама, – простонала Соня, – откуда у тебя это дерьмо?

– Дверь им отпирается и закрывается, – сообщила эксперт, возвращаясь.

– Мы помчались! – подпрыгнула Таня. – Марина, вперед.

– Стоп! – скомандовал Савченко. – Вы покинете комнату после того, как я проверю, что у вашей мамы при себе имеется.

– Муся, скорей, достань все, – попросила Марина.

Таня поджала губы.

– Мам, не тормози, – потребовала дочь, – я должна победить. Ну? Давай!

Татьяна вывернула боковые карманы джинсов и сердито загудела.

– Глупо думать, что в скинни, облегающих тело, как вторая кожа, можно что-то запихнуть. И в пуловере ничего нет, он совершенно гладкий. Хотите, сниму его, пороетесь в моем лифчике, вдруг там граната.

Татьяна взялась за край свитера и слегка задрала его, как будто собираясь стянуть его.

– У вас красивые джинсы, – сказала я, – если не ошибаюсь, от Франка Дирелли.

– И что? – фыркнула Григорьева. – Это запрещено?

– Отличное качество, я ношу такие же, но у них, на мой взгляд, два отрицательных качества. Первое – цена, уж больно она высока. А второе, внутренний кармашек спереди справа узкий, длинный, собирается гармошкой при ходьбе. Я его отрезала. А вы как поступили? – спросила я.

– Тоже отчекрыжила, – живо отреагировала мать Марины.

– Нет, – возразила я, – секунду назад, делая вид, что хотите снять свитер, вы приподняли его край, и стала видна прикрытая ранее часть брюк. Скинни сильно обтягивают вас, поэтому я увидела, что внутренний карман на месте и в нем что-то лежит.

– Мама, – топнула ногой Марина, – быстро вытащи.

Татьяна потупилась:

– Это интимная вещь. Не при детях.

– Вытаскивай! – повторила дочь. – И уйдем.

– Там упаковка презервативов, – выдавила из себя старшая Григорьева.

– Вы всегда носите кондомы при себе? – прищурилась Елена. – Вдруг подходящий случай подвернется?

– Как вы смеете? – побагровела Татьяна. – Я замужняя женщина, налево не заруливаю.

– Тогда по какой причине у вас под рукой презервативы? – поинтересовался Егор. – Вашего супруга рядом нет. С кем планируете сексом заняться?

– Мама! – хихикнула Марина. – Ну ваще! Отдай им презики, и валим отсюда.

– Не стесняйтесь, Татьяна, – заявил Савченко, – что естественно, то не стыдно. Вы же не хотите, чтобы дочь опоздала к началу конкурса.

Татьяна запустила руку за пояс, вытащила что-то блестящее и швырнула на пол.

– Подавитесь, сволочи!

– Вот и второй ключ, – констатировал Владимир, – Елена, проверь.

Марина уставилась на мать:

– Где ты его раздобыла? Зачем он тебе?

Татьяна села на диван и закрыла лицо руками.

– Хороший вопрос, – кивнул Савченко. – Зачем вам ключи, женщины?

Вера молчала, Таня залилась слезами.

– Алиса, ступай переодеваться, – скомандовал Владимир, – а то еще опоздаешь.

Горюнова бросилась к двери. Соня вскочила и кинулась за ней.

– Стоп, – скомандовал Егор, – Яковлева, тебя не отпускали.

– Мама, – захныкала девочка, – если все не расскажешь, я пролечу мимо Гран-при, …!..!

– Софья, – перебила я матерящуюся школьницу, – сомневаюсь, что девочкой года может стать та, кто виртуозно владеет ненормативной лексикой.

Яковлева прикусила губу.

– Я же не при всех! Только тут выражалась.

– Отличное оправдание, – вздохнула Елена.

– Вера, где вы взяли ключ? – повысил голос Савченко.

Яковлева молчала, вместо нее ответила Григорьева:

– Неделю назад, в последний день третьего тура… Девочки на сцене стояли, родители в зале сидели, а у меня живот прихватило, я побежала в туалет, гляжу, на раковине ключ лежит. Я сразу поняла, что его Анюта забыла, но решила проверить, вдруг он от другой комнаты…

– А где наши финалистки? – спросила Алла Константиновна, входя в холл. – Девочки! Почему вы еще не готовы?

– Нас тут насильно держат, – со слезами в голосе пожаловалась Соня.

– Вы можете остаться и послушать, – предложил Мироновой Владимир. – Продолжайте, Татьяна.

Григорьева всхлипнула:

– Ключ подошел к двери раздевалки, и я подумала: вот у меня живот прямо скрутило на нервной почве. Очень за Марину нервничала, вдруг ее в финал не пропустят? Так в сортир потянуло, что я вынуждена была убежать из зала. Если у Алиски понос начнется, она же тоже удерет, так?

– Вероятно, – согласился Володя.

Татьяна шмыгнула носом:

– Я ключ схватила и живо в торговый центр сносилась, он тут в пяти шагах, заплатила мастеру за оперативность, мигом получила дубликат ключа, а оригинал в туалет на рукомойник вернула.

– Так, – протянул Савченко, – дальше.

– Марина тут ни при чем, – каялась Григорьева, – она ничего не знала.

– Не знала, – эхом повторила девочка.

Таня скрючилась в кресле.

– Сегодня, когда начался первый тур, я вышла из зала, открыла гримерку и подлила во фляжку Горюновой слабительное. Оно сладкое и действует быстро, сама его давно принимаю, срабатывает безотказно. Галина постоянно Алиску отваром поила, я знала, что она ей его перед вторым выходом точно даст. Но начался скандал, и бабка сама настой выхлебала.

– Отлично, – кивнул Савченко. – Что дальше?

Татьяна сцепила пальцы в замок.

– Когда Галина Сергеевна упала, я очень испугалась, что ей стало плохо из-за слабительного. Подумала, наверное, Вера права, Петрова Алисе «Анталазин» давала. Ну с чего ее внучка на глазах таяла? Два размера за семь дней не потеряешь. Вдруг желудочные капли соединились со средством для потери веса и получилось… то, что инфаркт вызвало… Ну… очень мне страшно стало… И… и… и…

Таня вытерла лицо ладонями.

– Когда все ушли на второй тур, я прибежала в раздевалку. Думала, Галину Сергеевну «Скорая» в больницу увезла, открыла дверь! А она на полу! Я сразу поняла: бабка мертвая! Я чуть сама не скончалась от страха! Вот жуть! Но пришлось идти мимо тела, чтобы фляжку взять. Я ее в туалете гелем для рук помыла, скрутила кусок бумажного полотенца, запихнула внутрь, потрясла, чтобы высушить, на место ее водрузила и убежала. До сих пор ноги от страха трясутся. Все. Честное слово! Я ни в чем не виновата. От слабительного умереть нельзя.

– Можно, – не согласилась Елена, – если есть непроходимость кишечника или аллергия на препарат, то влегкую.

– Отпустите Марину, – взмолилась Татьяна, – она ни в чем не виновата, я одна все придумала. И вот еще что! Когда я фляжку вымытую на место поставила и дверь заперла, мне плохо стало.

– С чего бы это? – фыркнула Лена.

– Это вы трупы каждый день видите, вам по барабану, – обозлилась Таня, – а я настоящий шок испытала. Полетела в сортир, меня вывернуло там наизнанку, умылась я, хотела выйти, дверь приоткрываю, слышу шаги и в щелочку вижу, как Верка мимо сортира чапает. Потом слышу: трык-трык. Сразу догадалась: Яковлева раздевалку отпирает, ключ у нее есть.

– А ты видела, как я это сделала? – зашипела Вера.

– Нет, – честно ответила Таня, – но мне хватило, что ты мимо тубзика в левый конец галереи унеслась. Там одна дверь всего, вход в гримерку. Я подождала немножко и убежала, а Яковлева осталась в комнате. Спросите у нее, чего она

там делала?

– Спрашиваю, – кивнул Владимир. – Вера, зачем вы в гримерку ходили? И где ключ взяли?

Яковлева демонстративно отвернулась.

Савченко улыбнулся:

– Марина, твоя мама рассказала, как обстояло дело, можешь идти готовиться к конкурсу. А Софья останется здесь.

Дочь Григорьевой молча выскользнула в коридор.

Глава 10

– Мать! – застучала кулаком по спине Веры Соня. – Я не успею. Хватит сопли жевать. Рассказывай! Или я от тебя уйду! Навсегда!

Вера потерла лоб рукой.

– Анюта нам сама дверь раздевалки открывает. И это очень неудобно. Если первая приедешь, надо Королевой звонить, а она не сразу трубку берет. Или потребуется что-то срочно днем взять, а створка на замке, ищи Анюту. На втором туре я решила облегчить себе жизнь, купила брикет слепочной массы, подстерегла момент и сделала оттиск, когда ключ без хозяйки остался. Королева его часто забывает, положит на столик у зеркала, уйдет, а потом назад несется: «Ой, ой, потеряла!» Я получила возможность в течение дня сама в гримерку заруливать. Соня не в курсе, я ей ничего не рассказывала. Сегодня, когда первый тур шел, я потихоньку из зала выскользнула и пошла… вот… ну… в гримерку.

Яковлева замолчала.

– И зачем? – поинтересовался Владимир.

Вера перевела дыхание.

– Колготки участницам прямо в раздевалках кладут. Я рассчитывала, что их уже приготовили, и не ошиблась, у каждой на кресле по две пары висело. Я их спреем Перкинса[2 - Из этических соображений автор не дает истинное название средства. Название «Спрей Перкинса» придумано, в продаже есть препарат аналогичного действия.] обпшикала. Хотела, чтобы они обе на втором туре проиграли.

Алла Константиновна вскочила.

– Господи! Надо скорее у Марины и Алисы колготки поменять.

Хозяйка «Красавицы» убежала.

– Что это за дрянь? – не понял Савченко.

– Раздражающее кожу средство, – пояснила Лена, – продается в Интернете как прикол. Точный состав не назову. Запаха, цвета, вкуса не имеет. При нанесении на одежду не оставляет следов, высыхает мгновенно. Им обпшикивают внутренности шапок, если хотят подшутить над лысым человеком, колготки, нижнее белье, изнаночную сторону одежды. Женщина натягивает, допустим, лосины и уходит на работу. Первые минут десять-пятнадцать она не ощутит дискомфорта, потом начнется почесуха, которая перейдет в неудержимый зуд. Если бедолага догадается стащить с ног колготки, легче не станет. И мытье в душе не очень поможет. Чесотка продлится более суток, люди иногда в кровь раздирают тело.

– Хорошая шуточка! – возмутилась я.

– Ах ты сволочь! – заорала Татьяна, вскакивая. – Решила свою уродливую дочурку королевой сделать?

Егор схватил Григорьеву за руки.

– Сядьте!

– Сама такая, – вызверилась Вера, – разливалась тут соловьем, как слабительное одной Алиске во фляжку налила. Ага! Как же! Неужели только Горюновой понос организовать решила? Никогда не поверю! Куда ты, скотина, Сонечке лекарство набухала? А? Дрянь!

– Эвона, какая она, материнская любовь, могучая, – вздохнула Елена. – Ради победы дочерей очаровательные дамы на все готовы. Колитесь, Григорьева!

Татьяна отвернулась к окну и зашептала:

– У всех на столиках стояли бутылки с минералкой. Один из спонсоров конкурса, фирма «Пей до дна», девочкам бесплатно предоставляет свою продукцию. Алисе бабушка ни пить, ни есть ничего из того, что всем предлагали, не разрешала. Она говорила, что некоторые мамаши могут какую-нибудь гадость конкуренткам подсыпать. Поила внучку из фляжки и кормила только тем, что принесла из дома. А вот Сонька общественную воду пила. Я ей туда капли наплескала. Но Софья косорукая, захотев пить, уронила бутылку, и вода вылилась на пол.

– И кто разозлился? Татьяна. Она говорила, что вода попала на туфли Марины, мол, замша пойдет пятнами. Аня попыталась погасить ее истерику, воскликнула: «Лодочки у вашей дочки кожаные, и на них ни капли не попало», – не выдержала я. – Старшая Григорьева на секунду умолкла, но потом завелась еще сильнее, налетела на Галину Сергеевну, и уголек скандала раздулся до масштабного пожара.

– Пятнадцатиминутная готовность, – ожило радио, – членов жюри просят закончить обед.

– Пожалуйста, отпустите меня, – простонала Соня, – я не причастна к тому, что придумала моя мать.

– Иди, – кивнул Савченко.

Девочка опрометью бросилась в коридор.

Я встала.

– Шоу продолжается. Извините, я оставляю вас в тесной компании, пошла на председательское место.

* * *

После того как увенчанная короной счастливая победительница в сопровождении остальных финалисток, мужественно делавших вид, что они рады за ту, что стала королевой, отправились на банкет, я попыталась удрать домой, но была поймана в коридоре бдительной Аллой Константиновной.

– Виола, дорогая, вы куда?

– В туалет, – соврала я, показывая на удачно расположенную рядом дверь с табличкой «WC».

– Надеюсь, вы останетесь на праздничный ужин? – продолжала хозяйка «Красавицы».

– Конечно, – кивнула я, старательно изображая радость.

– У меня к вам есть предложение, – протянула Алла, – надеюсь, оно придется вам по душе. Зайдете в мой кабинет?

– Приду через десять минут, – пообещала я, вошла в сортир и, раз уж так вышло, решила им воспользоваться.

Многочисленные кабинки пустовали. Едва я захлопнула дверцу последней из них, как послышался стук каблуков, затем раздался сердитый голос Яковлевой.

– Сонюшка проиграла. Третье место. Да, да, да. Ты обещала! Поклялась, что моя дочь получит корону. И что? Григорьева огребла Гран-при! Дрянь! Страшилище с кривыми ногами! У нее зубы, как забор в деревне! Я подошла к Алке и поинтересовалась, почему Софья на низшей ступени. Не перебивать! Слушать! А эта жаба в «Шанели» ответила: «Марина набрала больше баллов». Нет, только

оцени! Набрала больше баллов! Чего молчишь? Почему на мои звонки не отвечала?!! Дрянь! Спряталась? Затаилась?! …! …! Теперь прочитала эсэмэску? Я не шучу! Я очень серьезно настроена!!! Даже не представляешь, как тебе, …, икнется проигрыш Сонечки! Вылетишь с работы с треском! Никуда не устроишься! Отправишься сортиры мыть! Что ты там лепечешь, паскуда? Заткнись! Я убью Таньку! Убью Таньку! …! Больше баллов ее… набрала. Узнаешь скоро, …, сколько баллов тебе влепят! …! …! Поговорить надо! На твои дела мне …! Когда? Ладно! Приедешь ко мне домой. А когда мне надо, тогда и прилетишь …! Время эсэмэской сброшу. В отличие от тебя, которая ничего сделать не способна, только брехать о своей значимости, у меня ответственная работа, …! Сиди жди, когда тебе велят явиться! …!

На короткое время возникла тишина, затем снова прорезался голос Веры, но сейчас она запела как соловушка.

– Милый, привет. Можешь говорить? Спешу тебя порадовать. Сонечка стала призером одного из престижнейших конкурсов России «Девочка года». Да, да, ты прав, таких немало, но мы победили в том, который устраивал журнал «Красавица», издание с многомиллионным тиражом. Какая разница! Главное, она в лидерах. Ну… третье, бронзовая медаль. Ты сначала выслушай, что произошло, а потом ехидничай. Нет, трусы у нее из-под платья не свалились! Совсем не смешно! Ужас был! За пять минут до начала финального конкурса прямо перед Сонюшкой упала Галина Сергеевна Петрова, бабушка конкурсантки Алисы. Представляешь? Сонюшке выходить, а старуха ей под ноги рушится. Кошмар! Внезапная смерть! Инфаркт! Даже взрослый от такого вздрогнет, а что хотеть от ребенка! Сонюшка побелела и отказалась продолжать борьбу за корону, сказала устроительнице конкурса Мироновой: «Галина Сергеевна умерла, мне ее очень жалко, не могу я улыбаться и веселиться, это неправильно». Миронова предупредила: «Соня, если ты не примешь участия в соревновании, то Марина и Алиса останутся без наград. По условиям конкурса при самоотводе какой-либо девочки продолжение его невозможно». Ради подруг Сонечка совершила подвиг, отправилась на сцену, получила третье место. Это очень почетно! Перед жюри, в котором сидели выдающиеся, великие люди, такие, как обожаемая тобой писательница Милада Смолякова, дефилировало четыреста двадцать участниц. Учитывая стресс, Сонечкина «бронза» дороже «золота».

На какое-то время стало тихо, потом Вера принялась всхлипывать.

– Милый, как ты можешь так говорить. Сонечка во всех журналах! Она не лузер! Девочка самая популярная детская модель страны. Через неделю начнется конкурс «Юная красота», наша доченька успокоится, получит там Гран-при и контракт на поездку в Париж. Да, это совершенно точно. Вероятно, музыке нужно учиться в Лондоне, куда отправляется твоя законнорожденная дочь. А вот ворота в мир большой моды открываются исключительно в Париже. Ну да, ты прав, контракт в США тоже неплохо, но Соня изначально не хотела туда ехать. Дорогой, у нашей любимой доченьки удивительная душа, она мне сказала: «Мамочка, я признанная красавица, востребована всеми журналами. А Марина Григорьева никому не нужна. Пусть она получит «золото» и летит в Нью-Йорк, для нее это единственный шанс в жизни». Девочка благородно подарила победу уродине Маринке, а потом, чтобы приободрить Алису, у которой умерла бабушка, уступила Горюновой второе место! Ей надо подарок сделать! Дорогой! Малышка давно мечтает о бриллиантовом комплекте: серьги и подвеска.

Голос Веры прервался, раздались всхлипывания.

– Вот оно как! Значит, твоя дочь Надя получила от тебя за победу в музыкальном конкурсе скрипку Страдивари за такие деньги, что в глазах темно. А Соне пшик за ее золотую душу и победу в престижном соревновании? Несправедливо получается. Почему ты гордишься одной Надей? Отчего не восхищаешься Сонюшкой? Ах, Надя талантлива! Да ну? А Соня уродина? Просто у одной девчонки есть родной отец, влиятельный человек, поэтому у нее и скрипочка от итальянца, и платье бархатное от «Шанель», и Гран-при в лапах. А у другой только мама, никому не нужная-я-я… Я не плачу, я констатирую факт: мы с Сонюшкой сироты горькие… нам и дырка от бублика пряник… нас любой обидит, пнет, а мы лишь слезами умоемся… Ну ничего, я Таньке отомщу… всем расскажу, что Григорьева слабительное Сонечке подлила. А что слышал! Да, именно так! Но от тебя защиты ждать не приходится. Я бедная-я-я… несчастная… у других мужья рядом… а у меня-я-я никого-о-о… мы с дочкой одни, как цветы на ветру… такая уж моя доля, расплата за горячую верную любовь к тебе. Да, конечно… понимаю… бизнес, имидж, партнеры… Прости за истерику, забудь меня, тебе так лучше будет, проблем меньше. У твоей законной доченьки через неделю конкурс в Вене, я желаю ей успеха, не сомневаюсь, что твой талантливый законный ребенок опять станет первым. Прощай, дорогой, пойду пригляжу, чтобы Сонечка надела рейтузы. Сегодня мороз ударил, а нам до метро шагать и шагать. Машина? Она вчера сломалась. Старенькая уже, три года ей, эта марка для бедных, она долго не живет. Ничего, мы приучены к трудностям, мы и на маршрутке с водителем-таджиком прокатимся, заодно сэкономим. Конечно, в «Майбахе» с вышколенным шофером, который твою Надю

возит, комфортнее, но всяк сверчок знай свой шесток. Спасибо, милый, что иногда присылаешь Сонечке бананы, помнишь о дочке, это очень приятно. И бананы прекрасные фрукты. До свидания, дорогой, нет, больше говорить не могу, деньги на телефоне заканчиваются. Почему тебе не сказала? Про машину и мобильник? Солнышко, ты ворочаешь многомиллиардным бизнесом, до нас ли тебе? Зачем волновать того, кого беспредельно любишь, так обожаешь, что готова следы его на асфальте целовать.

Раздался звук льющейся воды, шорох бумажного полотенца, смешок Веры и ее голос:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Виола вспоминает события, которые описаны в книге Дарьи Донцовой «Магия госпожи Метелицы», изд-во «Эксмо».

2

Из этических соображений автор не дает истинное название средства. Название «Спрей Перкинса» придумано, в продаже есть препарат аналогичного действия.

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/vstavnaya-chelyust-schelkunchika

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити